

INSPIRIA

ЛЮБОВЬ

18+

Софи

Уорд

И ДРУГИЕ

ЛОНГ-ЛИСТ
БУКЕРОВСКОЙ
ПРЕМИИ 2022

МЫСЛЕННЫЕ

ЭКСПЕРИМЕНТЫ

INSPIRIA

Софи Уорд
Любовь и другие
мысленные эксперименты
Серия «Loft. Букеровская коллекция»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67684715

Любовь и другие мысленные эксперименты: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-169152-3

Аннотация

«Любовь и другие мысленные эксперименты» – экспериментальный роман Софи Уорд, в 2020 году попавший в лонг-лист Букеровской премии.

Рейчел и Элиза живут совершенно обычной жизнью. Не всегда находят общий язык с родителями, сталкиваются с проблемами на работе, планируют завести ребенка. Но что-то раз и навсегда меняется в их отношениях. В ту ночь, когда в глаз Рейчел заползает муравей/В ночь, когда они обнаруживают, что за кроватью поселилась колония муравьев.

Рассказанная в главах, искусно сплетенных друг с другом, эта история – настоящее исследование любви, личности и реальности. И то, что начинается как красочные виньетки семейной жизни, оборачивается настоящим философским экспериментом.

«Головокружительный танец идей». – *Софи Кинселла*

«Трогательно, ярко и чувственно». – *THE GUARDIAN*

Содержание

1	8
2	46
3	78
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Софи Уорд

Любовь и другие

мысленные эксперименты

© Кульницкая В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «ЭКСМО», 2022

* * *

Посвящается Рене

Воображение – не свойство человека, а основа его существования.

Уильям Блейк. Мильтон: поэма в двух книгах

Мне снились в жизни сны, которые потом оставались со мной навсегда и меняли мой образ мыслей: они входили в меня постепенно, пронизывая насквозь, как смешивается вода с вином, и постепенно меняли цвет моих мыслей.

Эмили Бронте. Грозовой перевал

Чтобы добиться прогресса в работе над искусственным интеллектом, нам придется отказаться от благоговения перед живыми

существами.

Дэниел Деннет. Из книги «Говорящие умы: интервью с двадцатью выдающимися учеными-когнитивистами»

Рейчел подобрала в кухне брошенный Элизой журнал. На обложке было нарисовано дерево. Ветвистая зеленая крона его тянулась к солнцу, а корни вращались в голову человека. Странно, обычно то, что читала Элиза, такими иллюстрациями похвастаться не могло. Рейчел перелистнула страницу.

«Мысленные эксперименты – это инструменты воображения, необходимые нам для того, чтобы исследовать природу вещей».

«Ничего себе, – подумала Рейчел. Однако фраза ей понравилась. Мысль о том, что ученые сочиняют истории, позабавила ее. – А что, если бы я сама была мысленным экспериментом? Фантазией, которую Элиза придумала, чтобы встряхнуть свои закоснелые взгляды?»

– Как думаешь, если бы я была мысленным экспериментом, – спросила Рейчел в тот вечер, когда они с Элизой укладывались спать, – то каким именно?

– Не уверена, что мысленным экспериментом в принципе можно *быть*, – заметила Элиза. – Речь ведь идет о вымышленных ситуациях, которые помогают анализировать ту или иную проблему.

– Все, что можно вообразить, – реально.

– Это лишь одна из теорий.

– Давай же. – Рейчел отпихнула книгу, которую Элиза держала в руках, и уставилась на свою партнершу. – Вообрази меня.

Элиза, улыбнувшись, покачала головой:

– Вот что происходит, когда фантазии сталкиваются с реальностью.

– А я одно от другого толком не отличаю. Ну же, не тяни кота за хвост. – Рейчел ткнула пальцем Элизе в подмышку.

– Ну хорошо! Хочешь быть мысленным экспериментом? Тогда будешь зомби. Нет, нет, придумала! Ты – Потерянный Оттенок Синего из эксперимента Юма. Цвет, который никогда не видел, но все же можешь себе представить. Довольна?

«Потерянный Оттенок Синего из эксперимента Юма, – думала Рейчел, устраиваясь головой на подушке. – А что? Вполне может быть».

– Расскажи мне об этом еще.

1

Муравей

Пари Паскаля

Блез Паскаль, математик, живший в XVII веке, считал, что, поскольку разумом понять, существует Бог или нет, невозможно, всем нам следует раз и навсегда решить этот вопрос для себя, в определенном смысле заключив пари. Посвящая себя Богу, вы ставите на кон свою конечную земную жизнь, в случае выигрыша же получаете бесконечную жизнь в бесконечном блаженстве. Выбирая не верить в Бога, вы рискуете в случае проигрыша обречь себя после смерти на вечные муки. Таким образом, получается, что верить в Бога – разумнее, так как возможный выигрыш в данном случае значительно больше возможного проигрыша.

...но здесь ваш выигрыш – бесконечная жизнь в бесконечном блаженстве, у вас один счастливый шанс против конечного числа несчастливых, и ставка ваша тоже вещь конечная.

Блез Паскаль. Мысли.

– Ну вот, теперь муравьи и сюда приползли. – Рейчел смахнула крошечное существо и перевернула подушку.

Элиза подняла глаза от книги.

– Муравьи. Из гостиной. Притащились за нами сюда, –

объяснила Рейчел.

– Уверена?

– Сама только что одного видела.

– Нет, ты уверена, что это муравей? Они такие маленькие, и как только ты разглядела? – сказала Элиза и снова уткнулась в упирающуюся краем ей в грудь книгу в твердом переплете.

– Я-то очки не ношу.

– Это пока.

– Не знаешь, муравьи кусаются? – толкнула ее локтем Рейчел.

– Слушай, мне нужно до завтра это дочитать.

– Это точно муравьи, говорю тебе. Прошлым летом у нас в диване жили такие же. Они через щель в оконной раме лезут, теперь вот сюда добрались. Нельзя же поселить младенца в комнате, которая кишит муравьями. Элиза?

– Да?

– Ты их раньше не видела? Когда спала на этой стороне кровати?

– Нет.

– Ой, да ты бы все равно не заметила.

– Разве что одного-двух.

– Мы поэтому сторонами поменялись?

Элиза выронила книгу.

– Что?

– Да так, ничего.

– Нет уж, говори. Ты считаешь, я попросила тебя поменяться местами, потому что на той стороне кровати насекомые?

– Ладно, читай. – Рейчел виновато покосилась на нее. – Знаю, знаю. Прости.

Читать в тот вечер Элиза больше не смогла, но лампу над кроватью не выключала, пока Рейчел не уснула. Все думала, стоит ли сходить к дезинсектору, чья контора располагалась дальше по улице, и попросить его осмотреть их квартиру. Мистер Каргин. Еще он подрабатывал ремонтом и продажей старых телевизоров. Они как-то зашли к нему купить антенну для черно-белого «ящика» Рейчел. И он лет сто рылся в своих коробках и ворчал, что клиенты пользуются всякой рухлядью.

Рейчел старалась не смотреть на развешанные по стенам плакаты с изображениями крыс, тараканов и способов их уничтожения. Все постеры были одного формата, и оттого казалось, что термиты вполне могут вымахать размером с белку. Мистер Каргин долго изучал их обеих пристальным взглядом.

– Он на меня пялился, – сказала Рейчел, когда они вышли оттуда. – А с тобой нормально себя вел.

Антенны мистер Каргин для них так и не нашел и явно был очень раздосадован их приходом, хотя рыться в коробках его никто не заставлял. Элиза тогда подумала, что ремонт телевизоров вряд ли приносит хороший доход, зато

вторая специальность для него наверняка не только дополнительный заработок, но и способ самовыражения. Рейчел она пообещала, что они к нему больше ни ногой.

Сейчас Рейчел лежала рядом с ней в постели и мерно дышала. Это Элиза предложила поменяться местами. Она купила новый стол, который точно не поместился бы в нишу возле противоположной стороны кровати. Поменяться было практичным решением, даже Рейчел с этим согласилась. В квартире и без того было тесно, зато теперь письменный стол она использовала и как прикроватную тумбочку. Но, может, двигая мебель, они потревожили муравейник? Или просто насекомые всегда лезли в дома в это время года? Разумеется, предлагая поменяться, она не думала о муравьях, но вот теперь ей придется решать эту проблему, чтобы показать, какая она заботливая. С тех пор как они впервые заговорили о ребенке, Рейчел словно постоянно проверяла, не начала ли ее любовь к ней остывать.

Интересно, думала Элиза, какие еще решения в своей жизни она приняла из принципа? Порой начинало казаться, что и работу в университете, и велосипед в качестве средства передвижения, и вегетарианство, и даже стрижку она выбирала с оглядкой на чье-то мнение. Да, она вошла в тот круг людей, к которым сама относилась с уважением, но выбрала ли она хоть раз за всю жизнь то, чего действительно хотела? В последний раз проверив подушку, она выключила лампу над кроватью. Ладно, с муравьями разберется утром.

program

На следующий день по пути на работу Элиза проехала на велосипеде мимо телевизионной мастерской. В витрине, под шаткими штабелями сломанных телевизоров, виднелись уменьшенные версии плакатов с вредителями. Элиза представила, как сердитый мистер Каргин заливает их квартиру химикатами. Он и сам, казалось, распространял вокруг себя ядовитую атмосферу. Такого убийцу даже муравьи не заслужили.

За завтраком они снова вернулись к этой теме, и Элиза набрала в Гугле: «Вывести насекомых».

– Тут на фото все муравьи нормального размера. Таких крошечных, как у нас, нет.

Но Рейчел не желала читать о яйцах и муравейниках.

– Против одного муравья я ничего не имею. Но когда их сотни, к тому же в моей постели... У меня целый день в голове та песенка крутится: «Отчего же старый муравьишка...»¹

– Перечная мята. – Элиза обернулась к ней от компьютера. Рейчел, напевая, загружала посудомоечную машину. – Тут пишут, что муравьи не выносят масло перечной мяты. Что ж, это проще простого. Вечером заеду и куплю. – Она закрыла сайт и снова стала разбирать входящие письма.

– Идея интересная, только не понимаю, чем нам поможет перечная мята... – Рейчел вытерла кухонную стойку, подо-

---

¹ Рейчел цитирует песенку «Большие надежды» из кинофильма «Дыра в голове», которую исполнял Фрэнк Синатра. – *Здесь и далее прим. перев.*

шла ближе и остановилась у Элизы за спиной, а мокрую руку положила ей на плечо. – Муравьи, конечно, крошечные, но как им может повредить масло на ножках?.. Или лапках?.. Или что у них там?

– Их отпугнет запах.

– А, ясно, «Большие надежды».

Здравствуймир;

По дороге домой Элиза заскочила в аптеку и купила маленький флакончик масла перечной мяты.

– Как-то жутковато показалось покупать его в супермаркете. Будто мы муравьев угощать им собираемся.

Флакончик Рейчел взяла, а пакет с остальными покупками бросила на стол.

– Я и тебе кое-что купила, – кивнула на пакет Элиза.

Рейчел же продолжила внимательно изучать этикетку на пузырьке, словно рассчитывала прочесть там что-то еще, кроме «Масло мяты перечной». Помедлив с минуту, Элиза отошла к кухонной стойке и налила себе бокал вина. Вообще-то она вовсе не собиралась покупать по дороге с работы тест на овуляцию, но в аптеке почему-то стала оглядываться по сторонам и прикидывать, какому подарку Рейчел могла бы обрадоваться. «Так вот мы жизненно важные решения и принимаем, – думала она. – Однажды просто берем вместо пены для ванны тест на фертильность». Она покосилась на лежащий на столе пакет. Рейчел уже вытащила розовую коробочку и сидела теперь, откинувшись на спинку стула и вы-

жидательно глядя на Элизу. У той же вдруг возникло ощущение, что ожиданий она не оправдывает.

– Спасибо.

– Это начало, – сдвинув брови, сказала Элиза.

– Да.

В тот вечер они слишком устали, чтобы смазывать плинтусы мятным маслом. Ложась в постель, Рейчел покосилась на пол, а подняв глаза, заметила, что Элиза смотрит на нее.

– Ничего. – Она принужденно улыбнулась.

Элиза мысленно отметила, что это совсем не улыбка Дюшена², которую она с интересом изучала. Глаза Рейчел не улыбались. Однако видно было, что она старается.

Рейчел взбила подушку.

– Просто пока я засыпаю, мне все время мерещится, что они тут ползают.

– Это нормальная реакция. Стоит нам подумать о вшах, как у нас тут же начинает чесаться голова.

– О вшах? – Рейчел закашлялась. – Разве в наше время они еще бывают?

– У детей бывают. Если заведем ребенка, и у нас они будут. – Элиза отвела руку Рейчел, которой та уже чесала в затылке. – Но сейчас у тебя вшей нет!

– Зато у нас есть муравьи, Элз. Их я не выдумала.

Элиза поднесла руку Рейчел к губам.

---

² Улыбка Дюшена – искренняя, открытая улыбка, когда радость выражают не только губы, но и глаза.

– Знаю, милая. – Она по очереди перецеловала пухлые пальчики Рейчел и прикусила ноготь большого.

– Не все дети ужасные.

– Хм-м? – Элиза замерла.

– Так, чепуха. Не останавливайся. – Рейчел прижала ладонь к ее щеке и откинулась на подушки. – Не останавливайся.

Элиза склонилась над ней.

– Я же купила тест, не забыла? И прочла книгу. Давай-ка, закрывай глазки, а я буду целовать тебя, пока ты не уснешь.

uses crt;

Элиза в ужасе подскочила в постели. Она была в своей комнате, вокруг царил темнота. Рядом Рейчел в остервенении переворачивала подушки.

– Рейчел? Что такое? Что случилось?

– Меня что-то укусило. Мне сон снился: мы были в поле, и солнце так ярко светило, и кругом росла трава. Ты сказала: «Лежи смирно», я послушалась, и тут... – Рейчел подняла свою подушку. – И тут меня укусили.

Элиза силилась дотянуться до выключателя. Сон с нее от крика Рейчел слетел начисто.

– Кто тебя укусил? Трава?

– В глаз.

Лампа, наконец, загорелась, и обе женщины зажмурились.

– Покажи.

Рейчел хватала ртом воздух.

– Это ты виновата. Ты уколола меня травинкой.

Элиза откинула одеяло и почувствовала, как стынет на коже пот.

– Рейчел, это был просто сон.

– Муравей. – Рейчел бросилась к большому зеркалу, что висело за дверью.

– Тебе приснился кошмар.

– Он заполз мне в глаз.

Элиза села в постели и зевнула.

– Иди сюда, я посмотрю.

Рейчел опустилась на край кровати и развернулась лицом к Элизе. На внутреннем уголке белка виднелась багровая точка.

– Бедняжка моя, ты поцарапалась. – Элиза обвила дрожащую девушку руками.

Но Рейчел не сиделось на месте.

– Сомневаюсь.

Она обошла кровать и потянула на себя одеяло. Вместе они осмотрели смятые, влажные от пота простыни. Никаких муравьев в постели не было.

– Ничего, – сказала Элиза. – Хочешь, антисептик закапаю? Рейчел?

Рейчел опустилась на пол и встала на четвереньки. Половицы в доме были старые, покрытые тонким слоем лака. Как-то они взяли напрокат шлифовальную машину и целых три дня циклевали пол, но он все равно остался неровным, заноз-

зистым, со щелями, в которые свободно могла провалиться таблетка аспирина. И Рейчел это было отлично известно.

– Сейчас глубокая ночь. Мне в восемь нужно быть в лаборатории. Рейч, пожалуйста. Давай утром поищем.

– Не могу я спать. – Рейчел села на холодный пол и подняла глаза на Элизу. Ее волнистые волосы свалились на висках в тугие спиральки, из покрасневшего глаза катились слезы.

– Ох, милая. Ну что ты, что ты. – Элиза скатилась с кровати и присела на корточки рядом с ней. – Ну-ну, все будет хорошо.

Рейчел подалась вперед, уткнулась лицом ей в шею и зарыдала.

– Нет, не будет. Не будет. У меня глаз болит, мне в голову муравей заполз, а ты считаешь... Ты считаешь, что я не способна вырастить ребенка.

Элиза, отпрянув, заглянула Рейчел в лицо.

– Это еще откуда взялось?

– Сама знаешь, что это правда. Каждый раз, когда речь об этом заходит, ты говоришь, что согласна и что Хэл клевый. Твоя яйцеклетка, моя матка, его сперма – звучит прямо как рецепт какой-то или стихи. Но ничего не происходит. А потом ты вдруг берешь и будто бы невзначай вставляешь что-нибудь про то, как ужасно иметь детей. Вот и сегодня... – торопливо добавила Рейчел, заметив, что у Элизы с языка уже рвутся вопросы. – И сегодня ты не просто так сказала про вшей.

– О, бога ради! У детей бывают вши. Это не отмазка, чтобы не заводить ребенка. Это просто факт.

– Но ты не потому это сказала. Ты так сказала, поскольку считаешь, что я ни на что не способна; что я ничего не знаю о реальной жизни и о реальном мире. И, может, так оно и есть. – Рейчел выпрямилась и всхлипнула. Плечи ее тряслись, из груди вырывались судорожные рыдания.

Элиза с минуту разглядывала ее. И видела эту расстроенную испуганную женщину словно со стороны. Будто бы не сама сидела рядом с Рейчел на полу их уютной квартиры в три часа ночи, а, пробегая мимо по каким-то очень-очень важным делам, случайно заглянула к ним в окно. За четыре года, которые они провели вместе, ее часто посещало это чувство – что она одновременно здесь и не здесь, рядом и в стороне, как бы на всякий случай. И до сих пор Рейчел все устраивало. Проблема была только в ребенке. Не в Рейчел, взбалмошной, вечно все терявшей и не желавшей строить карьеру. Это для Элизы не имело значения. Рейчел она любила, но боялась, что на ребенка у нее просто не хватит сил.

– Неправда.

Рейчел перевела дух.

– Что неправда?

– Я не считаю, что ты станешь плохой матерью.

– Честно?

Элиза покачала головой.

– Ты станешь отличной матерью. Просто чудесной. Тут

скорее на мой счет стоит волноваться.

Рейчел рассмеялась и вытерла мокрые нос и губы.

– Ты! Да тебе все по плечу. Ты бы миром могла править, если б захотела. С такими-то ногами.

Обе они покосились на длинные ноги Элизы, и та, подобрав их под себя, села на пятки. У Рейчел ноги были короче, а кожа на них нежнее. Иногда вечерами Элиза пальцами чертила у нее на бедрах записки. «Невербальная коммуникация», – писала она. Или: «Сенсорное удовольствие».

Теперь они обе стояли на коленях, держась за руки.

– Видок у нас сейчас, наверное, как будто мы какой-то древний свадебный ритуал совершаем, – сказала Рейчел охрипшим от рыданий голосом.

– Точно.

– Мы же это сделаем, правда? Поженимся и заведем ребенка? Не обязательно в таком порядке. – Каждая морщинка на ее лице сияла в свете лампы.

– Да, моя дорогая.

Они подались друг к другу и стукнулись лбами.

– Кстати, вот так вшами и заражаются. – Элиза боднула Рейчел головой.

– А разве не так? – Рейчел неожиданно толкнула Элизу, повалила на пол и забралась на нее верхом.

– Эй!

Они еще немного полежали на полу. «Вот она, жизнь, – думала Элиза. – Моя жизнь».

– У меня глаз болит.

Элиза так и видела их ближайшее будущее. Рейчел с ребенком в обнимку бьются в истерике на полу. И, кроме нее самой, некому о них позаботиться. Вся ответственность за двух абсолютно неразумных существ ляжет на ее плечи. Но вдруг она не права? Не может же Рейчел и в самом деле считать, что ей в глаз заполз муравей. Но почему тогда она так яростно на этом настаивает? Элиза сделала глубокий вдох, стараясь сохранять спокойствие.

– Давай посмотрю.

Рейчел сама как ребенок. Раз уж у них все равно будут дети, придется завести минимум двоих. Если бы Элиза свою сестру посреди ночи разбудила и принялась донимать баснями про насекомых, та огрела бы ее по голове томом отцовской энциклопедии. Поднявшись на ноги, Элиза оттянула нижнее веко Рейчел и снова заглянула той в глаз.

– Покраснел. Тебе бы завтра врачу показаться.

Рейчел икнула.

– Давай я сегодня посплю на твоей стороне, – предложила Элиза.

Они вернулись в постель, и она выключила свет. Рейчел прижала холодные ступни к ее икрам.

– Спасибо, – сказала она.

– Пожалуйста. А за что?

– За то, что поверила мне. Насчет муравья.

(*Here the main program block starts*)

Элиза накрывала на стол, стараясь не смотреть на маленькую коробочку из аптеки, лежавшую тут со вчерашнего вечера.

– Так что тебе врач сказала про глаз?

– Она меня вообще слушать не стала. Ей ты нравишься.

– Да я только раз ее видела.

– Наверно, как раз поэтому. Меня она считает странной.

И пялится. Прямо как тот мужик из магазина теликов и убийств. – Рейчел, вытаращив глаза, продемонстрировала Элизе, что имеет в виду, и стянула из миски салатный лист. – Дала мне какие-то капли и велела заглянуть к ней еще раз, если не пройдет. Хотя я и сказала, что мне уже не больно.

– Прямо как дезинсектор?

– Ага. Как он.

– Но глаз-то она посмотрела?

– Ну так, чуть-чуть. Может, мне лучше к специалисту сходить?

– К специалисту по глазам?

– Ну да, к какому-нибудь глазнику. Или обратиться в больницу, где лечат тропические инфекции. – Казалось, эта идея Рейчел очень приободрила. – Может, у нас такой вид муравьев вообще не известен.

Элиза поставила на стол миску со спагетти и села. В голове крутились воспоминания о вчерашней ночи. Она пообещала Рейчел, что они поженятся и заведут детей. Но совместная жизнь по-прежнему представлялась чем-то неопре-

деленным, вечно маячащим где-то впереди и ускользающим из рук миражом.

– Сомневаюсь, что мы найдем врача, который в таком разбирается.

– Но разве не для этого нужны специалисты? – спросила Рейчел. – Чтобы копать глубже?

– Но зачем, если с глазом уже все в порядке?

– Ну да, на вид в порядке. Но после всего, что случилось...

– А что именно случилось?

– Ты же сама все видела.

Будущее мерцало на столе. Уйма возможностей – стоит только Элизе в них поверить.

– Ладно, ешь. – Элиза разложила пасту по тарелкам и плеснула вина в бокалы. – Давай откроем тест и всласть позабавимся.

– Я и сама хочу. Очень хочу. Всегда хотела. Но мне нужно, чтобы ты была со мной.

– Так я с тобой, – нахмурилась Элиза. – Дождаться не могу. И вообще...

– Не так. Мне нужно, чтобы ты знала то, что знаю я. Чтобы ты в меня верила.

– В каком смысле?

В кончиках пальцев колело от прилива адреналина. Рейчел не собиралась сдаваться.

– Мне в глаз заполз муравей. И теперь он живет у меня в голове.

– Правда?

Рейчел серьезно посмотрела на нее.

– Да.

– Но это же был просто кошмар.

– Я могу отличить сон от яви. И я почувствовала, как он проник мне в глаз.

– Разве такое вообще возможно?

– Значит, возможно.

Она была твердо в этом уверена. Даже терла глаз предельно аккуратно, легонько проводя кончиком пальца по линии роста ресниц, словно боялась потревожить постояльца.

– Но врач не дала тебе направление к специалисту?

– Она вела себя так же, как в тот раз, когда мы приходили посоветоваться насчет планирования беременности. Не желала меня слушать.

– Так что тогда насчет специалиста?

– Да я, наверное, и не хочу к нему идти. Все равно муравей уже там, внутри. – Рейчел убрала руку от лица. – Не хочется, чтобы мне вскрывали череп.

– Никто не станет вскрывать тебе череп.

– Ну раз сделать ничего нельзя, то и к врачу идти незачем.

– Верно.

Рейчел потянулась к ней через стол.

– Мне важно только, чтобы ты мне верила.

Мираж их совместной жизни внезапно приобрел четкие очертания.

– Если ты меня любишь, то поверишь мне, – продолжала Рейчел. – Правда же?

Такая мелочь. Только согласись, прими Рейчел полностью, и отношения тут же перейдут на следующий уровень. Одно слово – а сколько в нем заключено неважного и значительного.

– Да.

Она правда верила. Верила в Рейчел и во все, что получит, если уступит. В будущее. Не обязательно же понимать историю с муравьем буквально, достаточно признать, что он – часть истории Рейчел. Опасное покалывание в пальцах унялось. Бояться больше было нечего. Элиза сделала выбор.

Рейчел моргнула. Потянулась через стол и взяла пакет с тестом.

– Я прямо сейчас его сделаю. Доедай пока. – Она кивнула на тарелку Элизы. – Вернусь через две минуты.

begin

Артур родился только через год с лишним, но для Рейчел и Элизы он начался в тот вечер, пятницу 24 октября 2003 года.

– В ту ночь мы его и сотворили. – Рейчел пальцем постукала себе по голове. – В высшем смысле. Остальное было все равно что поехать за покупками в магазин рукоделия. Ты уже знаешь, чего именно хочешь, остается только приобрести необходимые материалы.

Друзья над этим подсмеивались. Говорили, что с тех пор,

как родился ребенок, Рейчел стала куда спокойнее. Материнство открыло в ней самые лучшие стороны.

Рейчел, слыша это, вспыхивала, улыбалась и не вспоминала про муравья. Занятые выбором метода оплодотворения (в итоге остановились на внутриматочной инсеминации), переездом в другой дом (требовалось жилище попросторнее) и оформлением гражданского партнерства (церемония состоялась в Вестминстерском регистрационном бюро, в присутствии 20 гостей, а Рейчел была уже глубоко беременна), они редко говорили о событиях, что повлекли за собой все эти новые обстоятельства. А если речь о них все же заходила, Элиза старалась как можно скорее сменить тему.

И все же к тому времени, как Артуру исполнилось два, его появление в сознаниях обеих его матерей было по-прежнему неразрывно связано с той ночью. Глядя на цветущих жену и сына, Элиза отчетливо осознавала, что едва не потеряла обоих. Все, что происходило до рождения Артура, казалось теперь смутным далеким прошлым. Она и сама не смогла бы объяснить, почему ей так трудно было поверить в историю Рейчел, но с тех пор произошло столько всего невероятно-го, что возможность существования муравья уже не казалась дикой. Конечно, она никогда бы не призналась, что муравей спас их обеих, но готова была согласиться, что он стал началом. Теперь она жила по-настоящему. Разница между прошлым и настоящим была примерно такая же, как между тем, чтобы сидеть на краю бассейна и плавать в нем.

– Что сначала вымыть, посуду или Артура? – спросила Рейчел, проходя по гостиной и собирая с пола бумажные тарелки и серпантин. – Боже, зачем только Хэл приволок хлопшушки? Как теперь все это выметать?

– По-моему, ему нравится пугать Грега. Каждый раз, когда он их взрывал, тот подпрыгивал едва не на фут.

– Ну Грег хотя бы пришел, уже хорошо. Он ведь на такое не подписывался, – улыбнулась Рейчел.

Женщины на секунду остановились и оглядели разоренную оравой малышей комнату. Полы в новом доме они покрыли зеленым ковролином, чтобы Артур не разбивал колени, но сейчас его не было видно – кругом вздымались горы оберточной бумаги и шариков. Элиза старалась не вспоминать, сколько кусков торта и пакетиков сока на ее глазах вывалилось из детских ручек.

– Все равно вечеринка получилась отличная. – Рейчел кивнула в сторону кухни, где Артур, сидя на полу, возился с использованными пластиковыми стаканчиками. – По-моему, он был в восторге.

Элиза погладила ее по щеке. После рождения Артура кожа у Рейчел стала нежнее и тоньше. Стриглась она теперь короче, и лицо обрамляли крутые завитки.

– Да, чудесная вечеринка. И все благодаря тебе.

Организацией занималась Рейчел. Собственно, она теперь вообще все делала сама – спокойно и не поднимая лишнего шума. Больше не названивала Элизе на работу, чтобы пожа-

ловаться, что поругалась с матерью или что стиральная машина не желает сливать воду.

– Два года. – Рейчел свободной рукой накрыла руку Элизы и крепче прижала ее к своему виску. – Вот это мы дали жару.

Элиза забрала у нее тарелки и пошла собирать остальные.

– Иди выкупай Артура. Я приберу.

Но Рейчел все не отнимала рук ото лба.

– Я иногда по-прежнему его чувствую. Как будто он до сих пор там.

Всегда оставалась опасность, что Рейчел будет относиться к этой дате не просто как к годовщине появления на свет их ребенка. В те дни, когда в разговорах вдруг всплывала тема муравья, Элизе приходилось напоминать себе, что для Рейчел он реален. Не просто фантом или метафора, которую самой Элизе легко удавалось списать на разыгравшееся воображение. Она подобрала с пола несколько пакетов из-под чипсов, от души надеясь, что Рейчел не станет продолжать.

– Но ведь этого не может быть. Он не может жить у меня в голове. И все же я его чувствую, – сказала та.

Кровь бросилась Элизе в лицо.

– Знаю, ты не любишь об этом говорить, – не унималась Рейчел. – Но я думаю, что иногда все же стоит. В такие дни.

Как будто эта тема и так не была с ними постоянно, не тянулась через их жизнь телеграфной лентой.

– О чем? О чем ты хочешь поговорить? О муравье? – Серпантин и пакеты из-под чипсов посыпались к ногам Элизы. –

Я все сделала, Рейчел. Я тебе поверила. Все ради тебя поменяла. Мы ведь с людьми общаемся. Если ты и дальше будешь рассказывать про муравья... все подумают, что ты чокнутая.

– Мам! – В комнату вбежал Артур, по ногам его ползли струйки вылившейся из стаканчиков газировки.

Элиза подхватила его с пола и крепко обняла.

– Все хорошо, малыш.

– Правда? – произнесла Рейчел. – Элиза, пожалуйста. Останься и поговори со мной.

– Ему пора купаться. – Элиза вынесла липкого от газировки сына в коридор, поднялась наверх, посадила его в ванну, полную теплой воды и пены. И все это время лицо Рейчел стояло у нее перед глазами.

Мальчик был так похож на нее. Темные волосы, смуглая кожа и еще кое-что, унаследованное сразу и от Рейчел, и от Хэла, что-то древнее, доисторическое в очертаниях лба и выражении глаз, будто Артур был мифическим героем, восставшим против богов и в наказание обреченным вести жизнь обыкновенного мальчика. Элиза вообще-то в такое не верила, но теперь, после появления ребенка, скептицизма у нее несколько поубавилось. Невозможно было отрицать важность воображения, когда сын ежедневно требовал от нее исследовать его возможности. А ведь была еще и Рейчел, считавшая свою фантазию краеугольным камнем семьи. Их семья. Элиза провела губкой по крепкой ножке Артура. Что ж, ладно. Если у Рейчел проблемы, если ей нужно поговорить,

значит, ее долг ей помочь.

writeln

Парадная дверь в доме доктора Маршалл находилась в торце здания и с улицы была не видна. Посыпанная гравием дорожка вела от ворот к чистенькому крыльцу с двумя звонками, помеченными «Дом» и «Доктор Маршалл».

– Только подумай, как пациентам хочется позвонить в другой. – Рейчел провела пальцами по обеим кнопкам.

– И тебе тоже.

– Просто интересно, что будет.

Дверь распахнулась, навстречу им вышла пожилая женщина в разрисованном турецкими «огурцами» платье с запахом и взмахнула рукой, приглашая войти. Рукопожатия доктор Маршалл не жаловала.

Целых полгода они искали психотерапевта, который понравился бы обоим. Сондру Маршалл им посоветовал друг Хэла. Элизу, которую волновала квалификация специалиста, устроило ее академическое образование, а Рейчел, не желавшую бесед «по Фрейду», впечатлил обещанный современный подход. К тому же доктор Маршалл была американкой, что устраивало обеих, так как исключало ее из их системы координат. Сознание терапевта было словно некой нейтральной территорией, где они могли встретиться и все обсудить.

Сегодня они пришли к доктору Маршалл впервые, раньше говорили только по телефону. Войдя в приемную, Эли-

за осмотрелась, пытаясь найти хоть что-нибудь, что помогло бы ей составить представление о личности женщины, которой она собиралась довериться. Пробежалась взглядом по корешкам книг на полках, развешанным по стенам дипломам в рамках, отметила, что терапевт прошла к самому удобному креслу в комнате и дождалась, пока клиентки займут места напротив. Элиза чувствовала себя так, словно попала в храм чуждой ей религии.

Доктор Маршалл села и оправила подол платья в «огурцах». Выпрямленные волосы доходили ей до подбородка, в V-образном вырезе виднелась мягкая ложбинка между грудей. «За шестьдесят, но хорошо сохранилась», – определила Элиза. Вот так и Рейчел будет стареть, а сама она превратится в костлявое чучело. Ей на мгновение представилось, какими они обе станут в старости. От мысли, что рядом всегда будет уютное тело Рейчел, становилось как-то спокойнее.

– По телефону мы говорили о поворотном пункте в ваших отношениях. – Доктор Маршалл окинула их взглядом. – Появились какие-нибудь новые соображения?

Рейчел ответила первой:

– С тех пор как родился Артур, все изменилось.

– Артур – это ваш сын?

– Да, наш сын. Но хотела его только я.

Доктор Маршалл кивнула.

– Элиза, а вы что можете сказать?

– Я поддержала ее. И я люблю его. Но она права, идея

была не моя. Я боялась, что это будет слишком.

– Слишком?

– Да, для Рейчел.

Рейчел откинулась на спинку кресла и скрестила руки на груди.

– Почему вы так думали? – невозмутимо спросила доктор Маршалл.

– Ей приходится практически в одиночку его растить. Я всю неделю на работе и уволиться не могу, – ответила Элиза.

– Так живут множество семей: один из партнеров работает, а другой занимается домом.

– Конечно. К тому же теперь Рейчел стала более уверенной в себе. Вернее, мы обе стали.

– Значит, ваши опасения не оправдались?

– На этот счет – нет. – Элиза покосилась на Рейчел.

– Ну началось, – буркнула та.

– Мы же как раз об этом и хотели поговорить.

– Я так и сказала.

Доктор Маршалл опустила блокнот.

– Вы здесь, чтобы поговорить обо всем, что считаете важным.

– Может, ты начнешь? – предложила Элиза. – Это же для тебя.

– Нет. Не для меня, – Рейчел вскочила. – Это для нас. Для тебя и меня. Ты обещала, а теперь передумала.

– Я за тобой не успеваю. Просто не знаю, чего еще ждать, –

отозвалась Элиза.

– Рейчел, может быть, вы присядете?

– Почему это я во всем виновата? – Рейчел метнулась к большому окну, выходявшему в сад. – А если бы с тобой такое случилось? Сама знаешь, я бы тебя выслушала.

Доктор Маршалл покосилась на Элизу и сказала:

– Мы слушаем, Рейчел.

Рейчел прижалась виском к стеклу.

– У меня в голове что-то живет. Оно там уже почти три года. Я пыталась не обращать внимания, но оно не исчезает. Оно там, когда я просыпаюсь, там, когда засыпаю. – Она обернулась к Элизе. – Ты мне поверила.

Элиза разглядывала силуэт жены на фоне окна. Видела ее на расстоянии вытянутой руки, совсем одну, без Артура. И думала: «Если бы только я тогда, много лет назад, решила эту проблему. Объяснила ей, что муравьев, которые могли бы заползти человеку в глаз, не бывает. Или, лучше того, выслушала бы ее и пошла к дезинсектору, наплевав на его норов и его яды. Тогда ничего бы этого не случилось».

– Ты все время его чувствовала? – спросила она.

– Да, почти все время.

– Почему же не говорила?

– А как я могла? – Рейчел шагнула вперед. – Ведь это была часть сделки.

Доктор Маршалл откашлялась.

– Похоже, нам о многом придется побеседовать.

– Ты попросила меня поверить, и я поверила, – сказала Элиза.

– Но ведь на самом деле не поверила, верно? Не поверила?

Ответить Элиза не могла. Она приняла рассказ Рейчел, как принимала ее саму, женщину, которую любила; старалась думать о муравье не как о реальном существе, а как о некой метафоре. Но как объяснить это Рейчел сейчас?

– Зачем мы пришли сюда? – Рейчел посмотрела Элизе прямо в глаза. – Ты должна принять решение. Мы не можем постоянно убегать, переезжать, начинать сначала. Ты должна принять решение.

– Рейчел, – снова указала на кресло доктор Маршалл, – сядьте, пожалуйста.

Рейчел, не сводя глаз с Элизы, подошла и остановилась у подлокотника.

– Вам обеим пришлось адаптироваться к переменам в вашей жизни, – сказала доктор Маршалл. – Когда появляется ребенок, парам порой приходится пересмотреть свои отношения, свои роли в семье.

– Мы заключили сделку, – ровно произнесла Рейчел. – И я свою часть выполнила.

– Я думала, ты счастлива. Ты и была. До дня рождения Артура.

Доктор Маршалл перевела взгляд с Элизы на Рейчел.

– А что случилось на дне рождения Артура?

– Я сказала правду, – ответила Рейчел. – Только и всего.

– О том, что у вас в голове что-то живет?

Рейчел молча кивнула.

– Вы это слышали, Элиза?

– Я думала, мы с этим покончили.

– Рейчел вам сообщила, что ей кажется, будто у нее в голове что-то живет, и некоторое время вы ей не противоречили. – Доктор Маршалл черкнула что-то в блокноте и снова подняла глаза на женщин. – Что изменилось?

Элиза уставилась на терапевта. Этот вопрос следовало задать Рейчел, у нее лично ничего не изменилось.

– Между нами больше нет доверия, – сказала Рейчел.

– Я тебе доверяю, Рейчел. Дело не в этом.

– Ты притащила меня сюда, чтобы задурить мне голову. Чтобы меня вылечить. Как мне любить тебя, если ты хочешь, чтобы я была кем-то другим?

Элизу захлестнула паника. Она попыталась было ответить, но слова не шли с языка. Это Рейчел ей не доверяла. Рейчел, которая в любой момент могла сбежать, как сбегает зверь, увидев капкан. Элиза чувствовала на себе взгляд терапевта. Нет, ее кабинет не был храмом, наоборот, он был местом, где вера умирала.

– Я думала, тебе нужна помощь, – пробормотала она.

Рейчел схватилась за голову.

– Она нам нужна, нашей семье.

Доктор Маршалл подалась вперед.

– Рейчел, вы в порядке?

– Да пустяки, – отмахнулась Рейчел. – Муравьиная музыка.

(‘Здравствуй, мир!’);

О диагнозе из больницы сообщили письмом. Супратенториальная глиома.

– Вот как это теперь называется, – сказала Рейчел. – Глиома.

– Тли-у-ма, – повторил за ней Артур.

Элиза протянула ему кусок банана.

– Когда тебе к врачу?

– Завтра, – бросила Рейчел, уставившись в бумаги.

– Так скоро?

– Я им не перезвонила. – А на следующий вопрос Элизы она ответила: – Спешить некуда.

Элиза сосредоточила все свое внимание на Артуре, методично поглощавшем банан. Она училась не слишком остро реагировать на нарочитое спокойствие Рейчел. С тех пор как той поставили диагноз, у них так и повелось: Рейчел обрела невозмутимость фаталиста, Элиза же рвалась помогать и поддерживать. Это выматывало обеих. Элиза обсуждала с доктором Маршалл, как изменить сложившееся распределение ролей, но научиться игнорировать инстинкты было не так-то просто.

– Я схожу с тобой. А Хэл заберет Артура.

– Папа, – сказал Артур.

– Опять меня будут изучать. Эта штука похожа на адрон-

ный коллаيدر. Суют тебя в трубу, просвечивают насквозь, а найти все равно ничего не могут.

– Знаю, – кивнула Элиза. – Как ты себя чувствуешь?

Рейчел достала Артура из детского стульчика.

– Со мной все в порядке. – Она стукнулась с ним носами. –

Верно, эй?

Артур посмотрел на мать и повторил:

– Муравей.

readkey;

Теперь Элиза ходила к Сондре Маршалл одна. Раз в неделю оставляла Артура и Рейчел валяться в обнимку на диване, садилась на велосипед и ехала к дому с дверью в торце. Каждый раз в ожидании, когда терапевт ей откроет, она смотрела на звонок с табличкой «Дом» и думала о Рейчел.

– Как ваши дела? – Доктор Маршалл уселась в свое кресло.

– У Рейчел в понедельник заканчивается химия. Она совсем притихла. Но чувствует себя лучше.

– А вы?

– Я скучаю по ней.

– Как это?

– Она же умирает.

Элиза перевела взгляд на окно на противоположной стене кабинета. И вспомнила, как Рейчел наклонилась к нему, когда они впервые сюда пришли. Прижалась лбом к стеклу.

– И это меняет то, что вы к ней чувствуете?

– Все, что мы делали вместе, теперь в прошлом, – ответила Элиза.

– В каком смысле?

– Ей недолго осталось. Может быть, год. И каждый прожитый день никогда не повторится.

– Разве не у всех так? – кивнула доктор Маршалл.

– Да, но мы больше не можем позволить себе роскошь закрывать на это глаза.

– Думаете, было бы лучше, если бы вы не знали?

Элиза пожала плечами.

– Ведь нет какой-то другой версии Рейчел, которая не ходила бы к врачу или у которой не было бы опухоли.

Терапевт разгладила на коленях подол. Все ее платья были одного фасона, от недели к неделе менялась лишь расцветка. И только то первое, в «огурцах», она никогда больше не надевала. Оставалось гадать, есть ли в этом какой-то подспудный смысл.

– Это то, чего бы вы хотели? Другую Рейчел?

– Я бы хотела, чтобы ничего из этого не случилось.

– То есть вы бы хотели стереть прошлое. Начиная с какого момента?

Элиза отвела глаза. Вопрос был с подвохом, но она знала, как ответить. Она бы начала с того дня, когда Рейчел впервые заговорила о муравьях. Сходила бы к дезинсектору и попросила его их вывести. Как ученый она, конечно, не думала, что это муравей спровоцировал у Рейчел рак. Но если бы

он не встал между ними, они были бы свободны.

– Элиза?

И к чему бы это их привело? Неужели сейчас перед ней маячило бы одинокое будущее? Нет, конечно, нет, Артур появился бы на свет в любом случае, вне зависимости от того, случился бы какой-то воображаемый укус насекомого или нет. Элиза потрясла головой, словно мысль о том, что в голове Рейчел живет муравей, что-то сделала и с ее собственной головой. Может, так и было. Не в физическом смысле, конечно, а в ином. В том, где таился ответ на вопрос, как все это взаимосвязано.

– Не важно, – ответила она. – Мне нужно думать о ребенке. О сыне, которому предстоит расти без матери.

– Да, это будет нелегко, – согласилась доктор Маршалл. – Но у него есть вы. А у вас есть Рейчел, чтобы помочь вам подготовиться. Это как раз то, чем вы можете заняться, – вместе подготовить будущее, которого вы обе для него хотите.

– Но я не хочу жить с призраком, – возразила Элиза. – Мне нужна Рейчел.

– Сейчас Рейчел здесь, – без малейшего промедления произнесла доктор Маршалл. – А что насчет вас?

«Здесь, да не здесь», – подумала Элиза.

end.

В тот вечер Элиза вернулась домой в начале десятого. Рейчел и Артур к тому времени уже спали. Она укрыла ножки

сына одеялом и вышла в коридор.

Дверь в спальню была открыта, на ковре лежал луч света от ночника.

Элиза постояла в проеме, глядя, как вздымается и опадает во сне грудь ее жены. Во время беременности Рейчел немного набрала вес, но после он стремительно исчез вместе с волосами. Неизбежные потери. Вторую из них, впрочем, она оплакивала куда горше.

Элиза окинула взглядом ее впалые щеки и бледное лицо, выглядывающее из-под шерстяной шапочки. Химиотерапия не помогла, однако им пообещали период ремиссии, прежде чем рак снова возьмется за свое. Это значило, что Рейчел ненадолго станет лучше. Как сказал врач: «У вас будет время привести дела в порядок». Но какой мог быть порядок в том, чтобы умереть раньше своих родителей? Раньше, чем вырастет твой ребенок?

Элиза не сказала этого Рейчел. Молча слушала, как та строит планы. Выбрать Артуру школу, подготовить разные мероприятия; Рейчел хотела быть частью их будущего. «Сейчас Рейчел здесь, – сказала доктор Маршалл. – А что насчет вас?»

Она стояла, привалившись к дверному косяку, и смотрела на Рейчел. Та во сне почесала рукой под шапочкой. Может, ей снилось, что муравей бежит у нее в голове? От этой мысли у Элизы перехватило дыхание. С тех пор как Рейчел поставили диагноз, она при каждом взгляде на жену видела мура-

вья. Насекомое стало частью их жизни, движущей силой их отношений, причиной образования их семьи. «Если ты меня любишь, ты мне поверишь», – сказала Рейчел. И Элиза поверила. Через столько лет все же поверила в муравья.

Здравствуй, Мир!

Третий Артуров день рождения они провели в Диснейленде.

Хэла и Грега с собой не взяли.

– Надо было им тоже поехать, – сказала Рейчел. – Артур был бы рад загнать Грега на американские горки.

– Это сюрприз, – напомнила Элиза.

Они покосились на мальчика, разглядывавшего раскинувшийся внизу парк через стеклянную стену лифта.

– Видела, какое у него было лицо, когда мы только приехали и та собака вручила ему подарочный пакетик? – спросила Элиза.

– Плуту.

– Точно.

– Мы с Артуром навели справки.

– Плюсы домашнего обучения. – Элиза взяла Рейчел за руку. – Если устанешь, сразу скажи.

– Как можно устать в самом счастливом месте на земле? – улыбнулась Рейчел.

Они прошлись по парку, освещенному мягкими лучами ноябрьского солнца.

– Всегда нужно приезжать во Францию на его день рож-

дения, – сказала Элиза.

– Да, всегда.

Добравшись до карусели «Чашки», Артур с Элизой встали в очередь, а Рейчел, отойдя в сторону, присела на скамейку. День был будний, занятия в школах шли вовсю, но народу все равно было много. Очередь кругами огибала ограждение, примерно каждые пять минут сталкивая тебя с одними и теми же людьми.

– А где мамуля? – Ручка Артура сжалась в ладони Элизы, мальчик силился рассмотреть Рейчел за толпой.

– Вон там, ждет нас. – Она махнула в ту сторону, где под навесом кафе виднелась фигурка Рейчел.

Элиза взвалила сына на закорки, повернула вслед за очередью и случайно задела локтем мужчину, двигавшегося в противоположном направлении. Тот отшатнулся.

– Excusez-moi, – по-французски извинилась Элиза.

И, покосившись на мужчину, мельком разглядела его угрюмое лицо. Загорелый, с седой щетиной и блестящими редеющими волосами. Элиза узнала его, узнала, хоть он и не обернулся, – по сердитому норову. Тот самый мужик из конторы по ремонту телевизоров. Каргин, вот его фамилия. И что же мистер Каргин, дезинсектор с Грин-лейн, делал в Диснейленде?

– Мам! – Артур толкнул ее в бок, напоминая, что нужно двигаться.

Чашки остановились, и очередь потекла вперед. Артур

улыбнулся женщине за оградой. Они прошли сквозь ворота, Элиза обернулась в поисках Каргина, но тут народ хлынул к карусели, и Артур, вырвавшись, рванул занимать место.

– Синяя! – вопил он на бегу.

Семья, что стояла впереди, заметив, что к синей чашке несется Артур, а за ним по пятам бежит Элиза, повернула к другой.

– Merci! Спасибо! – крикнула Элиза на ходу, хотя, судя по виду, они были скорее уроженцами Пеории, чем парижанами.

Они с Артуром закрыли дверцу и заняли свои места.

– Смотри, Артур, тут можно вертеть руль, тогда чашка будет крутиться.

Объявили отправление, заиграла музыка. Чашка двинулась по широкой дуге, постепенно набирая обороты. Артур во все глаза смотрел на несущийся вскачь мир.

– Мамуля.

– Она подойдет посмотреть на нас. Крути руль, Артур. Вот так.

Мальчик нерешительно тронул руль, но, почувствовав, что чашка подчиняется, удвоил усилия и навалился на него всем телом. Элиза заметила, что на лице его проступила ее собственная решительная гримаска.

– Молодец, Артур. А вон и мамуля, смотри.

Чашка развернулась, и Артур с Элизой помахали Рейчел,

которая, улыбаясь, стояла у ограды.

– Так быстро!

Рейчел скрылась из поля зрения, и Артур снова занялся рулем. Элиза перевела взгляд на соседнюю чашку и увидела, что в ней в одиночестве кружится дезинсектор. Детей рядом с ним не было. И возле аттракциона его, похоже, никто не ждал.

– Артур, погоди-ка минутку. – Она попыталась остановить чашку, но та все вертелась и вертелась, и вскоре они снова увидели Рейчел – та шла прочь от ограды.

– Еще! – закричал Артур. – Быстрее, быстрее.

Ни Рейчел, ни того мужчины больше не было видно. Элиза опустила на сиденье и задумалась. Мистер Каргин, их бывший сосед, человек, из-за чьего скверного нрава они не решились обратиться к нему за помощью и вывести насекомых, проводил отпуск там же, где и они. Что бы это значило? Элиза ухватилась за край гигантской голубой чашки, к горлу подкатила тошнота. Да ничего это не значило. Что с ней такое? Подумаешь, совпадение. Такому только мать Рейчел значение придает. И все равно рот наполнился слюной, а плечи задрожали, несмотря на то что осень в Париже стояла теплая. Прошло больше четырех лет с той ночи, когда Рейчел в глаз заполз муравей, и вот они тут, отмечают день рождения Артура – и всему положил начало тот случай.

Она взглянула на сына. Мальчик изо всех сил вцепился в руль. Неужели он обязан своей жизнью муравью? Элиза

посмотрела на его крошечные порозовевшие от напряжения ручки. Они были связаны навеки – Артур и муравей. Она зажмурилась и тут же увидела его. Муравей теперь жил не только в голове у Рейчел, но и у нее тоже. И у всех остальных, кто был в курсе их истории, подумала она. Стоит лишь рассказать ее кому-то – и ему от муравья уже не избавиться.

Карусель замедлила ход, и Артур закричал:

– Еще!

– Давай попозже. – Элиза толкнула дверцу и, стараясь не потерять равновесия, выбралась наружу. – Меня немного укачало. А тебя нет?

– Мы ездили по кругу. – Они двинулись к выходу, Артура шатало из стороны в сторону. – По кругу, по кругу, по кругу...

– Артур, пожалуйста, хватит. – Она оглянулась на соседнюю чашку, но там уже было пусто, мистер Каргин исчез.

– А где мамуля?

Элиза кивнула в сторону скамейки, где они оставили Рейчел. Та сидела, сгорбившись и подпирая кулаком голову. Артур вырвал руку у Элизы и кинулся к ней.

– Мамуля, я вертел нас в чашке!

– Я видела. – Рейчел раскинула руки навстречу сыну. – Ты такой умный.

Мальчик вывернулся из ее объятий, влез с ногами на скамейку и принялся увлеченно наблюдать за жизнью парка. Рейчел перевела дух, заправила отросшие волосы за ухо и

улыбнулась Элизе:

– Привет.

– И тебе привет. – Элиза взяла лицо жены в ладони, приподняла подбородок и заглянула ей в глаза. На роговице по-прежнему виднелась появившаяся четыре года назад красная точка, а за белком вдруг мелькнула крошечная тень. Элиза моргнула, и тень исчезла.

Она не отняла рук от лица Рейчел. Так они и сидели. По небу бежали облака, рядом топотал их маленький сын.

– Это не больно, – сказала Рейчел. – Совсем не больно.

2

Переломный момент

Дилемма заключенного

В эксперименте описываются двое узников, заключенных в одиночных камерах. Им предлагают более комфортные условия в обмен на согласие предать друг друга. Было доказано, что в краткосрочной перспективе одному заключенному выгоднее выдать другого, однако если известно, что им предстоит взаимодействовать на протяжении долгого времени, то они достигают большего успеха, действуя в интересах друг друга.

Если люди отказываются верить в простоту математики, то это только потому, что они не понимают всей сложности жизни.

Джон фон Нейман. Из выступления на заседании Ассоциации вычислительной техники в 1947 г.

I Сотрудничество

Все звали его Ал. Родители были не против. Сами видели, что сын их – мальчик популярный и с каждым может найти общий язык: с ровесниками и стариками, с пацанами и девчонками, с греками, турками и даже британцами. Недо-

волен был только дедушка. Но Али это не трогало. Просто у *baabanne*³ был дурной характер.

– От него и молоко скиснет, – говорила Али мама. – Не обращай внимания.

Али привык относиться к дедушке как к одной из коз, которых ему приходилось пасти, – милый, конечно, но лучше от него держаться подальше. Родители его владели гостевым домом чуть севернее Ларнаки, а заниматься козами поручали детям. До и после уроков Али с сестрой гоняли их по пастбищу, а к вечеру приводили домой. Летом детей еще посылали собирать апельсины или белить стены. А в свободные дни Али хвостом таскался за Костасом. Тот был мастером на все руки, все мог починить – и духовку, и машину, и люстру, и пылесос. Али нравилось наблюдать, как сломанные вещи оживают в его руках при помощи обычного мотка провода или банки лака.

Летом, покончив с домашними делами, Али всегда отправлялся с друзьями на пляж. Надевал футболку, натягивал шорты поверх плавок, утаскивал из кухни холодный *börek*⁴ и стремглав бросался к двери, надеясь, что сестра за ним не поспеет.

– И сестру с собой возьми. – Мать словно обладала особым чутьем: в любое время суток точно могла сказать, где находятся ее дети. – Ханифе, ступай с братом.

---

³ *Baabanne* – дедушка (*тур.*).

⁴ *Börek* – бурек, вид несладкой выпечки (*тур.*).

Это означало, что Али придется подождать, пока сестра соберет сумку.

– Не нужна она тебе, – убеждал он.

– А вот посмотрим.

Али мысленно клялся, что на этот раз ничего у сестры просить не станет. Ведь если бы сумки у нее не было, убеждал он себя, пока они пробирались по ведущей к дюнам горной тропинке, ему из нее ничего бы и не понадобилось. Но уже давая себе эти обещания, он знал, что проиграет. Сестра была права: к вечеру что-нибудь из лежащего в сумке помянит его, и он не выдержит.

Солнце стояло в зените, дети спешили по каменистой тропке к берегу моря. Али цеплялся пальцами босых ног за края особо гладких булыжников и пригибался к самой траве. Знал, что там, где стрекочут цикады, на змей не напорешься. Когда камни под ногами сменялись песком, Ханифе сбрасывала обувь. Происходило это каждый раз в новом месте. Али подпрыгивал от нетерпения, ожидая, когда же она, наконец, решит, что песка в кожаных сандалиях стало слишком много, остановится и начнет разуваться. Он вообще не понимал, чего ради идти на пляж в туфлях, но спорить с сестрой на эту тему было бесполезно – это только еще больше оттягивало выход из дома. Если он убежал, не дождавшись Ханифе, она потом жаловалась отцу, и Али ждали неприятности. И то, что они были одного возраста – сестра даже на пять минут старше, – не имело никакого значения, все равно он обязан

был ее ждать.

– Да хватит скакать, Али. Ступай, не жди меня.

Али не смог бы объяснить, почему ему так трудно стоять спокойно. Задумываясь о своих ощущениях, он мог сказать лишь, что в такие моменты все у него внутри начинает дрожать и ему срочно нужно рвануть куда-нибудь, чтобы не взорваться. Учительница в школе как-то обвязала ему ноги шарфом, чтобы он не ерзал на уроке.

– Это просто знак, символ, – объяснила она матери, когда та пришла ругаться. – Чтобы он не забывал.

Али до сих пор считал, что символы бывают лишь письменные, вроде иероглифов. Учительница могла бы нарисовать ему шарф – он был бы не против. Впрочем, мама в любом случае считала, что она не права. Али пытался ее спросить, но она в ответ бросила только, что он для этого класса слишком умный. Однако Али все равно понял, что она имела в виду. Истинный смысл ее слов следовало читать между строк, как всегда со взрослыми.

Мало ему было говорить на трех языках, так еще приходилось гадать, что же именно подразумевали родители. А теперь, когда им с Ханифе сравнялось девять, и с ней стало так же.

– Не жди меня, беги к друзьям.

Али не хотелось бросать сестру одну. Дома ему нравилось играть с ней – печь песочные пирожки во дворе или кататься на ослике, который жил в поле за домом. Эх, если бы только

она снова стала такой, как раньше, до того, как появились сандалии и сумка, бежала бы рядом с ним вприпрыжку. Тогда она от него не отставала.

– Ablā⁵, ну пошли уже, пожалуйста. Давай наперегонки.

В тот день Ханифе в итоге рванула вперед и обогнала его. Он выбежал на пляж на несколько секунд позже нее, и они тут же рухнули в наметенные у дальнего края дюн песчаные сугробы.

– Догоняй, Али, eşek!⁶ – задыхаясь от смеха, кричала Ханифе. – Скорей, скорей, мой ослик.

В бухте, широким полумесяцем огибавшей прозрачное море, уже собралось несколько десятков девчонок и мальчишек. Этот пляж они называли Kalos⁷ – он и в самом деле был очень хорош, особенно в начале лета, пока не понаехали туристы, и вся бухта принадлежала им. Своих друзей Али увидел у самой воды – те гоняли мячик в прибрежных волнах. Рядом, пытаясь остановить их, метался мальчишка по имени Деймон – мелкий, тощий, этакий siska⁸. Мяч был его.

– Все нормально, eşek. Иди займись Деймоном. – Ханифе села и принялась вычесывать песок из волос. Али вдруг показалось, что она унеслась от него далеко-далеко – не дотянешься, как ни старайся.

---

⁵ Ablā – сестра (тур.).

⁶ Eşek – осел (тур.).

⁷ Kalos – хороший, красивый (гр.).

⁸ Siska – слабый, тощий (тур.).

Он вынул из кармана бурек и разломил пополам.

Ханифе, даже не взглянув на пирожок, вытащила из сумки бумажную салфетку и протянула брату:

– Обмахни. Не обязательно, чтоб песок на зубах скрипел, Ал.

Али вытер бурек и в три укуса одолел свою половину. Она и правда похрустывала на зубах, но он уже к этому привык. Летом песка во рту всегда было полно. Он улыбнулся Ханифе и проглотил последний кусок.

– İğğ!⁹ Мерзость какая, – отпихнула его Ханифе.

Али пожал плечами, встал и принялся за вторую половину. Друзья призывно махали руками из воды. Он обернулся к сестре.

– Я вон там буду, с Селеной. – Она указала подбородком на дальний край бухты. – Увидимся.

В той части пляжа всегда собирались девчонки, валялись на берегу, время от времени залезая в воду, чтобы не перегреться. А на другом краю бухты, покуривая, грелись на солнышке ребята постарше, которым пока не нужно было ходить на работу. Изредка они вставали и принимались вышагивать по мокрому песку, демонстрируя девочкам свои только начавшие формироваться мышцы. Центральная же часть бухты принадлежала банде Али.

Он показал сестре язык и побежал прочь, с каждым шагом все сильнее забывая, что долг велит ему о ней заботиться.

---

⁹ İğğ – фу (тур.).

– Ал! Ал! Ал! – кричали ребята, раз за разом уводя мячик у Деймона из-под носа. – Становись в ворота!

Воротами для них служил весь пляж, а Деймон все силился вытащить мяч из воды. Али дружил с Деймоном, но, честное слово, лучше бы тот вообще не брал мяч на пляж, раз так за него боялся. Чем сильнее Деймон над ним трясся, тем отчаяннее мальчишки его дразнили. Обычно им приходилось играть надувными мячиками, забытыми на пляже кем-нибудь из туристов, или сбитой в комок и перевязанной веревкой одеждой. И этот сшитый из восемнадцати полос превосходной кожи красавец, подаренный Деймону отцом на десятый день рождения, безусловно, привел бы всю банду в восторг, если бы хозяин так над ним не дрожал. Оказалось, что гонять Деймона по пляжу туда-сюда куда веселее, чем играть в футбол «его мячом» и «по его правилам».

Али отбил мяч обратно в воду – в сторону Деймона – и принялся стягивать футболку и шорты.

– Эй, Стелла, будь паинькой! – Крепкий мальчишка по имени Андрас, обхватив себя руками за плечи, изобразил киношный поцелуй. В то лето самой популярной греческой актрисой считалась Мелина Меркури, и весь остров пестрел ее снимками в роли злополучной Стеллы. Фильма никто из ребят не видел, но все знали, что Стелла вышла замуж за футболиста.

Деймон и шевельнуться не успел, как Николай вытянул ногу из воды и пинком отправил мяч дальше в море. Ком-

пания бросилась следом, с каждым ударом отгоняя мяч все дальше от берега, Али же прошлепал по воде к Деймону.

– Им скоро надоест. – Он положил руку другу на плечо. – Пускай поиграют.

Деймон покачал головой.

– Смотри! – За головами резвящихся в воде мальчишек виднелся покачивающийся на волнах коричневый шар. – Отец меня убьет.

Пару недель назад Деймон, взбираясь на дерево, сорвался, полетел вниз и зацепился шортами за ветку. Висел над землей и ревел, не решаясь перерезать перочинным ножом петлю для ремня. Али тогда отломил ветку и освободил рыдавшего друга. Остальные же только смеялись над ним и потом долго еще не желали брать в игру.

– Он малыш, пусть играет с *періоі*¹⁰, – говорил Андрас.

– У него родители слишком строгие.

Али не знал, правда ли это, но вообще было похоже. С чего бы иначе Деймону так бояться, что они скажут? Родители самого Али всегда были слишком заняты, чтобы переживать о его одежде и игрушках. Его могли шлепнуть за хамство, наорать, чтобы побыстрее заканчивал свои дела и помог сестре, но в остальном он оставался совершенно свободен. В то, что родители-греки могут быть строже турок, как-то не верилось. И у одних, и у других были свои странности – вот и все. И все же Деймон был из тех друзей, за которых

---

¹⁰ *Періоі* – дитя, ребенок (*гр.*).

вечно приходилось вступаться.

– Дайте ему еще один шанс.

Ребята Деймона простили, а после того, как тот получил на день рождения футбольный мяч, даже перестали дразнить его, называя *kláipse mogó*¹¹ всякий раз, когда он им надоедал. Али, однако, подозревал, что от мяча будут неприятности, и уговаривал Деймона оставить его дома, но устоять перед шансом приобрести хоть немного власти над приятелями непопулярный мальчишка не смог.

– Ал, пожалуйста. Останови их.

Бросив взгляд на тощего Деймона, который, теперь, когда начался отлив, весь дрожа, топтался на обмелевшей прибрежной полосе, Али кинулся в воду и поплыл за мячом. Плавал он лучше всех в компании, но забираться на глубину детям не разрешали. Позапрошлым летом одного постояльца родителей Али унесло в море. Береговой охраны на пляже не было, взрослых обычно тоже, только иногда сюда выходили прогуляться старики из расположенной неподалеку деревни. Когда с берега заметили, что отдыхающий попал в беду, было уже поздно. Тела его так и не нашли. Несчастный случай списали на незнание гостем особенностей местных течений. Однако в школе детям еще долго твердили о том, какая опасность подстерегает их совсем рядом.

Стоило Али отплыть чуть дальше от берега, туда, где вода сменяла нежнейший рассветно-голубой оттенок на черниль-

---

¹¹ *Kláipse mogó* – плакса-вакса (*гр.*).

но-синий цвет дедушкиного жилета, как течение усилилось. Он прокатился на нескольких больших волнах, чувствуя, как они утягивают его назад и вниз. За волнорезом море лежало ровной гладью, и лишь покачивание кожаного шара на его поверхности выдавало, что глубоко внизу бушует течение. Али прищурился, стараясь оценить расстояние, отделявшее его от мяча. За спиной грохотали волны, гомонили оставшиеся у берега мальчишки. Он отплыл уже очень далеко, приближался к выходу из бухты, но стоило ему подбратиться ближе, как мяч вынесло в открытое море. Али решил попробовать нырнуть, доплыть до мяча под водой и вынырнуть чуть в стороне, чтобы толчком нечаянно не отбросить его еще дальше.

Под водой видны были только мелькавшие у лица руки. Глаза щипало, в горле пекло от соленой воды. Али взял чуть правее мяча, решив, что вложит в рывок все оставшиеся силы. Сглотнув, он резко ударил ногами и выпрыгнул из воды. Али удалось коснуться мяча лишь кончиками пальцев, тот отскочил в сторону, но он извернулся, ухватился руками за ступни и поймал мяч в образованный собственным телом маленький бассейн. Задыхаясь, он дотянулся до своего плавающего сокровища и повис на нем всем телом.

Мяч мягко покачивался у него под животом. Али вдруг вспомнил тот день, когда дядя возил его на своей машине в бани в Никосию. Привычный к костлявой спине ослика Гри, на обратном пути он разнежился на мягком сиденье дяди-

ного «Мерседеса» и уснул, пропустив запланированную экскурсию по ночному острову.

– Боец из него никудышный, – сказал после атса¹². – Остается надеяться, что его не призовут.

Слова эти крепко задели Али, показались одновременно и несправедливыми, и очень обидными. Дяде будто каким-то образом удалось раскопать тщательно скрываемый ото всех секрет Али. Становиться солдатом он не собирался, но хотел быть смелым и надежным. И знал, что однажды сможет принести людям пользу. Он всегда испытывал удовлетворение, когда удавалось помочь Костасу что-нибудь починить, и тот хвалил его, говорил, у него отлично получается. Неужели дядя как-то прознал про его страшную тайну? Про то, как он прятался от Аполлона, который учился на класс старше, чтобы тот не отнял у него завтрак? Целую неделю Али ел в одиночестве, а потом ему это надоело, и он предал свои любимые пирожки с мясом. Зная, что овощи Аполлон ненавидит, стал просить маму давать ему с собой только буреки с цветной капустой. Али и сам ее недолюбливал, зато Аполлон сразу оставил его в покое, как и других мальчишек, тоже резко заделавшихся вегетарианцами. Получается, в тот раз он струсил?

Глаз Али не открывал, вокруг колыхалась морская вода. Он знал, что его уносит все дальше от берега. Но ведь с Аполлоном проблему он однажды решил, значит, сможет

---

¹² Атса – дядя (тур.).

разобраться и с этой. Дядя ошибся, из него бы вышел хороший солдат. Ему, конечно, неизвестно было, сколько раз по ночам Али писал из окна своей комнаты, боясь выходить во двор, потому что как-то видел там скорпиона. Но ведь это было разумно. Кто захочет, чтобы его ужалил скорпион или укусил паук? Однако Али понимал, что со стороны такое выглядит как трусость. Быть смелым означало не бояться рисковать, и Али решил, что отныне перестанет быть осторожным.

Над головой завыл военный самолет, летящий в Никосию. Раньше мальчишки всегда грозили им кулаками, но с недавних пор к самолетам присоединились вертолеты, и военная техника стала мелькать в небе слишком часто, чтобы тратить на нее время. Али обернулся посмотреть, чем заняты его друзья. По ту сторону волнореза остался лишь Андрас, остальные лепили что-то из песка на берегу. Али огляделся по сторонам.

От бухты его отнесло далеко, отсюда хорошо виден был горный кряж, обрамлявший его любимый пляж. Вдалеке слева белел пассажирский лайнер – наверное, шел в порт Ларнаки. Али еще никогда не отплывал так далеко от берега. Правда, как-то раз он на спор добрался до одной из пещер на южной стороне залива, чтобы добыть морскую звезду. Но уступ, по которому он надеялся залезть в горную расселину, оказался слишком высоким и крутым. Нелегко было без отдыха плыть обратно.

– В следующий раз попробую с другой стороны. Или дождусь прилива, – объявил он, вернувшись к ребятам. Но больше добратся до пещеры не пытался. Не хотел снова пережить то, что испытал на обратном пути – тошнотворный ужас, охвативший его, когда вдруг почудилось, что он все гребет и гребет, не двигаясь с места. Вся суть этой выходки была в том, чтобы друзья признали его бесстрашным. Вот почему сейчас они просто смотрели на него с берега и не думали бить тревогу. Все знали, что Али отличный пловец.

Конечно, он помнил про приливы и отливы. «Мягкие средиземноморские приливы и отливы», как было написано в школьном учебнике. У каждой здешней бухточки имелся свой характер, на каждом пляже подстерегали свои опасности. И Калос не был исключением. Али заработал ногами, начиная двигаться к берегу, и тут же почувствовал, как болезненно отозвались икроножные мышцы. Впереди вздымалась и покачивалась пронизанная полуденным солнцем масса воды. В это время суток опасно было заплывать далеко. А пока он отдыхал, его отнесло еще дальше.

Теперь, когда в руках был мяч, грести Али мог только ногами. Он оттолкнулся и сильнее перегнулся через мяч, чтобы освободить руки. Но, подаваясь вперед слишком сильно, он сразу же терял равновесие, а когда сползал назад, руки переставали доставать до воды. Тогда Али сунул мяч под мышку и погреб к берегу второй рукой. Теперь, когда на грудь ничего не давило, дышать стало легче, зато трудно стало сохра-

нить равновесие и развить хорошую скорость. Несколько раз он швырял мяч вперед и догонял его, но к четвертому броску руки сделались тяжелыми как камни, и мяч отлетел лишь на пару метров. А с каждой остановкой Али относил назад.

Он сильно обгорел, глаза щипало от соли, но он продолжал рваться вперед. Там, на мелководье, виднелось теперь больше стоящих людей. Он видел их словно сквозь стекло, водный мир лежал по одну его сторону, а мир земли и воздуха – по другую. Как же они сейчас были нужны ему, хватило бы и одного человека, чтобы помочь. Заметят ли его с берега? Услышат ли, если он позовет на помощь? Кто откликнется на его зов? Уж точно не заносчивые старшие ребята с умащенными маслом волосами. Уж точно не девчонки – те боялись послушаться родителей, хотя и могли бы его спасти. Кто из друзей осмелился бы рискнуть? У Али засосало под ложечкой, он понял, что время на исходе. Если он продолжит цепляться за свой трофей, то до берега уже не доберется.

Он стал толкать мяч вперед головой. Оставалось только добраться до более спокойных вод бухты, но плечи уже сводило. В голове навязчиво замаячила мысль, что можно бы уцепиться за мяч и поспать немного. Али знал, что так делать нельзя, но все равно думал о том, что сон помог бы восстановить силы. Устав толкать мяч лбом, он перевернулся на спину и зажал его под подбородком. Так и лежал, восполняя запас энергии, пока не заболела шея. Мяч скатился с груди, и Али поймал его в воде. Нужно бы его бросить. Без мяча у

него еще оставался шанс добраться до берега. Али повернул голову, пытаясь разглядеть, не спешит ли кто ему на помощь, но дрожащие на воде белые блики слепили глаза. И все же бросать мяч было нельзя. Он представлял, как стыдно ему будет, что он потерпел неудачу и заставил кого-то прийти ему на помощь, как разочарованно взглянет на него Деймон, как станут куражиться друзья. Ну нет, он – смельчак Али. А дядя ошибся.

Мальчик снова перевернулся на живот и, крепко держась за мяч, забил ногами. Жмурился, чтобы не так щипало глаза. Старался дышать через нос. Горло драло, страшно хотелось пить. Тело словно все изломали. Али подумал о Ханифе, наверняка сидевшей сейчас где-то на пляже и болтавшей с подружками. Заметит ли она, что с ним стряслась беда? Мама бы точно поняла, где бы ни находилась. Звал ли он на помощь? Махал ли руками? Тот, кто решился бы броситься к нему, сам рисковал утонуть. Но если никто не сделает этого, все просто будут смотреть с берега, как он умирает. Али слишком устал, сил осталось лишь на то, чтобы снова, снова и снова двигать ногами. Он должен решить эту задачу и добраться до дома!

Плыть быстро с мячом в руках не получалось, бросить его тоже было нельзя. Окажись у него веревка, можно было бы обвязать мяч и волочь за собой. Впрочем, мяч все равно тянул бы Али назад. Вот что: нужно выпустить из мяча воздух. Только как?

Мячи надувают и спускают специальным насосом. У Али был велосипедный, он тоже сгодился бы. Но сейчас насос лежал в ведре с гаечными ключами и другими инструментами Костаса, а ведро стояло в сарае за домом. Будь здесь Костас, он придумал бы, как сдуть мячик без всякой иглы. Ведь Костас умел соединять оборванные электрические провода, замазывать клейстером щели в стенах, латать сеном прорехи в черепичных крышах. Али раз видел, как он взрезал живот беременной козе, достал детенышей, а затем зашил разрез, используя вместо нити кусок козих кишок. И час спустя коза встала на ноги. С тех пор Али считал, что на свете нет ничего невозможного. Он попытался восстановить в памяти это чувство. Подумал о финишах и пьедесталах, о солдатах и полковниках. Ведь он Каргин. Он может добиться всего, чего хочет, стать тем, кем мечтает.

По ступне и руке скользнуло что-то мягкое. Али резко дернул ногами. Это рыба. Просто рыба, снова и снова повторял он себе. Где он? Кажется, задремал на секунду. Берег снова отступил, его опять отнесло прочь из бухты. Этот мяч убьет его. Нужно спасти свою жизнь, пока не поздно. Али соскользнул со своей плавучей тюрьмы и погрузился в воду. Дыхание он восстановил, но тело отказывалось держаться на поверхности. Распростершаяся под ним бездна тянула вниз, Али тщетно силился высунуть голову и глотнуть воздуха. И вдруг ногу его что-то схватило, вокруг шеи обвилась чья-то рука. Собрав последние силы, он взрезал призраку.

– Ой! Али! Прекрати. Это же я. Хватит, не то мы оба утонем.

Уши Али был залиты водой. И ничего, кроме плеска и звука собственных ударов, он не слышал. Зато видел. Рядом с ним, одной рукой удерживая мяч, а вторую выставив вперед, не то пытаясь защититься, не то увещевая его, плыл Деймон.

В первые минуты Али не мог понять, что происходит. Деймон сюда никак не вписывался. Это было все равно что увидеть учителя в баре или мать на ветке дерева. Может, он все еще спал? Или уже умер? Он перестал отбиваться и позволил Деймону удерживать его голову над водой. В плечо уперся Деймонов перочинный нож.

– Медуза, – сказал его друг. – Отдышись, а потом поплывем назад.

Никакой лодки поблизости не было. Как же Деймон сюда попал? И как они доберутся до берега? Ноги у Али стали слабенькие, как у новорожденного. И руками он едва двигал. А Деймон держал мяч. Теперь они оба утонут.

– Али, ты должен расслабиться. Не мешай мне грести.

Обвив его торс одной рукой, а во второй зажав мяч, Деймон попробовал было плыть к берегу. Но с места они не сдвинулись.

– Мяч. – Али попытался забрать его и тут же снова ушел под воду. Кашляя, он повис на нем, прижимаясь к Деймону. – Нужно... бросить его.

Мальчики повернулись к далекому берегу. В их сторону

уже смотрело несколько человек, но все равно они были еще слишком далеко. Али совсем обессилел, и Деймону трудно было его удерживать, ведь мяч постоянно выскользывал из-под мышки.

– Давай же! – Али выпустил мяч и ухватился за Деймона. Мячик запрыгал по воде. Оба они уставились на него, завлекшего их так далеко в море и сделавшего все, чтобы они остались тут навсегда.

– Подожди. – Деймон, одной рукой держась за Али, другой поудобнее перехватил нож. А затем в одно движение добрался до мяча и с силой проткнул лезвием кожу. – Вот, возьми. – Он подтолкнул к Али мяч, теперь сложившийся в форме полумесяца. – Держи его.

И мальчики двинулись в долгий обратный путь.

* * *

Свою шаферскую речь Деймон подготовил очень тщательно. Это неправда, сказал он, будто много лет назад, там, на родине, он спас Али жизнь. На самом деле все было наоборот – это Али его спас. Он и без него наверняка придумал бы, как добраться до берега. И с медузой бы справился, хотя, надо признать, опасность была велика.

– Ал всегда умел решать проблемы, знал, как выпутаться из неприятностей. Если у меня когда и были сомнения на этот счет, во время *раскола* они окончательно рассеялись.

Услышав упоминание о разделе острова, гости-турки со стороны Али и греки со стороны Селены согласно закивали.

– Если бы в те времена, когда мы были paidiá¹³, Али не научил меня быть смелым, я бы здесь просто пропал. – Деймон кивнул на лежащую за окном улицу и взмахнул рукой, словно желая охватить и парк, и весь Северный Лондон. – Он вступался за меня, когда другие поворачивались ко мне спиной. Взялся за деревья, чтобы не дать мне упасть. Ал – первый человек, к которому я прихожу с любым вопросом, и последний, с кем мне хотелось бы расстаться. Дорогая Селена! – Деймон поднял бокал. – Ты сделала отличный, мудрый выбор. Живите долго, любите друг друга. И пускай тебе никогда не придется выбирать между своим лучшим другом и футбольным мячом. Sağlıǵınıza!¹⁴

II Предательство

Болтавшегося на спасенном мяче Али уносило все дальше в море. Он подумал об оставшейся на пляже Ханифе. О том, как нетерпелив был с ней по утрам, все рвался бросить ее и умчаться вперед. Теперь его ноги больше не зудели от нетерпения. Постоять бы с ней рядом еще разок, ощутить песок между пальцами босых ступней, и пусть хоть до скончания веков расстегивает свои сандалии.

---

¹³ Paidiá – дети (*гр.*).

¹⁴ Sağlıǵınıza – ваше здоровье (*тур.*).

Времени не осталось. Он посмотрел в сторону берега. И увидел на пляже группку людей – разглядеть их отсюда было невозможно, но видно было, что стоят они рядом. По его сторону волнореза не было никого.

Али соскользнул с мяча и ушел под воду, мышцы слишком устали, чтобы удерживать его на поверхности. Перед глазами мелькнула струя воды – нет, не струя, это было щупальце, прозрачное щупальце. Он рванулся в сторону. Медуза проплыла мимо. По плечу проехался мяч. Али не стал за него хвататься. Раз тут есть одна медуза, значит, есть и другие. Если его сейчас обожгут, он рухнет на дно океана так же быстро, как Деймон рухнул на землю, когда зацепился петелькой для ремня за ветку дерева. Вместо того чтобы перерезать ее, этот siska стал пытаться вывернуться и потерял равновесие. Деймон не был солдатом, но сломанная рука не шла ни в какое сравнение с тем, что сейчас ждало Али.

Настал момент, о котором говорил его дядя. Али призвали, прямо сейчас, из глубин Средиземного моря. Он мог собрать оставшиеся силы и поплыть к берегу. А мог просто сдаться. Тело его никогда не найдут, но мама все равно будет знать, где он. И до конца своих дней станет думать о том, как он лежит на дне моря. А Ханифе навсегда останется близняшкой без близнеца.

Али никогда еще не доводилось такого переживать. Ему было всего девять. Ближе к смерти он находился лишь в момент рождения. Конечно, ему и раньше случалось бояться –

но не за свою жизнь. До сих пор главными его врагами были кишасшие в саду существа, однако даже они не собирались его убивать. И Аполлон со своими прихвостнями тоже не грозил ему смертью. Но здесь, в открытом море, он действительно мог умереть, а на помощь ему никто не спешил. Ведь никто же не бросился спасать того человека в лодке, хотя все и видели, как его уносило все дальше.

Али запрокинул голову к ослепительному небу, набрал в грудь побольше воздуха и приказал рукам и ногам двигаться.

* * *

– Казалось, это длилось вечность, – сказал Али на превосходном английском. – Время будто остановилось. А потом меня волнами выкинуло на берег, я словно заново родился.

– Ваши друзья, должно быть, очень испугались, – нахмурилась молодая женщина. Она все еще верила в лучшее в людях.

– Ц-ц. Их волновал только мяч. В общем... – Он посмотрел на море, силясь вспомнить, чего ради вообще затеял этот неловкий разговор. – Вы, пожалуйста, будьте поосторожнее, не забывайте о течении. Этот наш пляж Калос – с виду он спокойный, но может сыграть с вами злую шутку.

Оба опустили глаза на ласковый прибой, что вымывал из-под ступней песок, а затем окатывал их водой. Народу в бухте почти не было – дети еще в школе, родители на работе.

Али не часто приводил туристов на этот пляж, на свой пляж.

– А кажется, тут прямо как в ванне, на грозную стихию совсем не похоже, – сказала она. – Но в любом случае спасибо. За предупреждение.

Она улыбнулась, и Али решил, что это намек: ему пора. Сезон только начался, Селена и Костас вот-вот должны начать подавать обед в гостевом доме.

– Вас Али зовут, верно? – Она протянула ему руку. – А я Элизабет. Вы торопитесь?

На вид она была ненамного старше его. Может, на пару лет. Приехала сюда пару дней назад, одна, и до сегодняшнего утра из номера не выходила. А тут вдруг в соломенной шляпе спустилась к завтраку на террасу и спросила, как пройти на пляж.

– Справьтесь у Али, – посоветовала Селена. – Он у нас пловец.

Похоже, ему о том позорном поражении до самого путешествия к звездам забыть не дадут. Покосившись на Селену, Али пожал плечами, но все же предложил проводить англичанку на пляж, если она согласится подождать его пару часов. Туристические агентства твердили про «индивидуальный подход» и «лояльность к клиентам», но Али помогал лишь тем, кому хотелось помочь. Женщина согласилась подождать, и пускай Али никогда бы в этом не признался, но в то утро он старался покончить с делами поскорее.

Летом в доме особенно некому было работать. Оставались

лишь Селена и Костас, Али с отцом да девчонка, что приходила для них стирать. Ханифе переехала в Лондон и устроилась там на работу в редакцию турецкой газеты, располагавшуюся неподалеку от Финсбери-парка. Она сбежала с острова при первой же подвернувшейся возможности, сказала, что это место убило ее мать, а теперь убивает и ее. Вообще-то их мать убила опухоль мозга, Али не совсем понимал, какая тут связь с местом жительства, но Ханифе ничего не желала слушать.

– Я больше не хочу быть тем, кого захватывают, – сказала она. – Я сама хочу стать захватчиком.

В общем, в Англию она уехала, чтобы поквитаться с островом. Али не спрашивал, удалось ли ей завоевать Британию, но, похоже, жизнью в Северном Лондоне она была вполне довольна. Гостевой дом – теперь уже скорее отель – она бросила на отца и брата, но все уговаривала Али подумать о будущем. На остров она приезжала раз в год, а еще как-то прилетала на свадьбу Селены и Костаса. Помнится, во время торжества она подошла к Али и взяла его руки в свои.

– Не мучай себя, Али, есек. Бог с ними, начни новую жизнь.

Селена на его глазах поклялась любить другого, а он ничего не сказал. Али казалось, что жизни в нем осталось совсем немного.

Все силы он бросил на то, чтобы привести дом в порядок – поменять сантехнику, вывести пауков, скорпионов и змей,

избавиться от муравьев в кухне и плавающих в раковинах чешуйниц. И вскоре обнаружил, что ему отлично удастся перехитрить изворотливых вредителей, с которыми в других, менее добропорядочных заведениях не было никакого сладу. В маленькую гостиницу теперь со всей Европы слетались туристы, желающие изучить «настоящий, реальный» остров, а не его туристическую версию. Эти самые местные реалии, как уяснил Али, заключались для них в личной ванной с горячей водой и завтраке, который подавали под оплетенным виноградными лозами навесом, – да еще чтобы за все это брали вдвое меньше, чем в больших отелях. Задумай гости наведаться в сельскую местность, «реальность» шокировала бы их до мозга костей. Али решил, что в следующий раз, когда очередной хиппи в футболке-варенке начнет жаловаться на скудость винной карты, он предложит организовать ему такое развлечение.

Но эта англичанка, Элизабет, была не похожа ни на хиппи, ни на капризулю. Они отошли от кромки воды к дюнам, тут она расстелила полотенце, распаковала сумку и теперь, облаченная в аккуратное черное бикини, лежала на животе с книгой в руках. По дороге они поболтали о природе и истории острова. Али неожиданно обнаружил, что ему с ней на удивление легко, потому и предупредил гостью об опасном течении – скорее из личной симпатии, чем из чувства профессионального долга. Он искоса взглянул на нее. Очень хороша собой – пышные формы, нежная кожа, темные куд-

ри до плеч. И вдруг задумался, какой окажется на ощупь ее спина, если он проведет пальцем вдоль позвоночника.

– Побудете со мной немного? – Она взглянула на него, приставив ладонь козырьком к глазам. – Или мне придется весь день читать тут наедине с собой?

– Вам не нравится книга?

– Нет, книга хороша, а вот компания так себе.

Раздумывая, что бы это могло значить, Али опустился на песок рядом с ней.

– Не любите быть одна?

– Не очень, – сдвинула брови она. – Хотя я сюда как раз для этого и приехала.

– Вы решили... прожить жизнь в одиночестве? – На память пришли монахини из монастыря Святого Мины.

– О! – рассмеялась она. – Как раз наоборот. Но у моей матери пунктик, что нужно быть независимой, а я не очень-то ему соответствую, вот, наверное, и пришла пора научиться.

– Похоже, у вашей мамы очень современные взгляды.

– Полагаю, да. Но сама она своим убеждениям не следует. Вот-вот выскочит замуж в третий раз. Извините. – Элизабет прикрыла рот рукой. – Вы, наверное, очень религиозны?

– Совсем нет. У моей матери тоже были современные взгляды, хотя и не такие, как у вашей, так что нас в религиозной традиции не воспитывали.

– А я думала, тут все религиозны. У вас здесь столько красивых церквей.

– Это да, но я-то не грек, а турок.

– О, я поняла.

Али кивнул. Разумеется, ничего она не поняла, но как ей было объяснить? С чего начать? С того дня, когда он спросил родителей, почему должен ходить в воскресную школу, а они велели ему не нарываться? Или с того, как все мальчишки, которых он считал друзьями, встали на сторону Деймона, а от него отвернулись? Обвинили его в том, что он позволил тощему греческому парнишке свалиться с дерева, а потом украл его футбольный мяч и утопил в море? С тех пор он перестал быть Алом, стал Али, и понял, что имела в виду мать, когда говорила об учительнице, обвязывавшей его ноги шарфом. Он был иным. Но нет, религиозным он не был, как не был и греком.

– Все нормально, – сказал он Элизабет. – Тут на острове все сложно. Но скоро это изменится.

Она взглянула на него – просто, открыто. И впервые с тех пор, как смирился с тем, что Селена его не любит, Али ощутил надежду, разгорающуюся внутри. Так бывает, когда вдруг понимаешь, что ты кому-то нравишься.

– Значит, – спросил он, – вы намерены стать независимой женщиной, как ваша мать?

Элизабет вздохнула.

– Ну почти. Надеюсь только, что обойдусь одним мужем. – Она продемонстрировала ему левую руку, на безымянном пальце ярко выделялся ободок более светлой кожи. – Он ху-

дожник. Через месяц у нас свадьба.

Надежда угасла так же быстро, как и вспыхнула.

– Вы уже успели загореть, – сказал он. – Это ваш второй отпуск?

– А? Ах да. – Она, казалось, опешила. – Я больше не могла, мне просто необходимо было от них удрать. Ну от матери, ее жениха, моего жениха. Мы отдыхали во Франции, в отеле, где всегда останавливались в дни моей юности. Более ранней юности. – Она поиграла бровями. – Знаете, такой весь шикарный, с шезлонгами и коктейлями у бассейна. И мне вдруг показалось, что все предопределено. И изменить уже ничего нельзя, да и вообще никогда ничего не изменится. Захотелось убедиться, что я правда делаю выбор.

Они посмотрели на сверкающее море.

– Просто выбор? – уточнил он. – Не обязательно правильный выбор?

– Ну это стало бы приятным бонусом.

Она достала из сумки две бутылки апельсиновой газировки и протянула одну Али.

– Решение вроде бы разумное. – Она скovyрнула с бутылки металлическую крышку и, очевидно, поранив большой палец, сжала руку в кулак. – В смысле, вот мы с Николасом поженимся, встанем на ноги, заведем детей – лучше бы мальчика и девочку, – и жизнь будет продолжаться. А мы займем свое место в мире...

– Но?..

– Вот именно. Но.

Прихлебывая газировку, он смотрел, как она погружает руку в чистый белый песок.

– Значит, вы сняли кольцо и сбежали. Если бы вы были моей невестой, я бы забеспокоился.

Она улыбнулась:

– Он не из тех, кто беспокоится. Разве только о своих картинах. Над ними он просто трясется.

Али вдруг захлестнула злость. Да кем этот парень себя возомнил? Надо же, какая важная персона! Он снова поднес бутылку ко рту и сильно стукнулся зубами о горлышко.

– Вок! – негромко выругался он.

– Ой! Осторожнее. – Элизабет забрала у него бутылку. – У вас губа кровит.

Она была так близко, что можно было рассмотреть, как дрожат на щеках солнечные блики. Макияж она не нанесла, и темные волосы мягкими локонами обрамляли прекрасное в своей естественности лицо. Али накрыл ее лежавшую на горлышке бутылки руку своей, спрятав невидимое кольцо.

– Вы куда ценнее, чем все, что может создать человек, – сказал он и поцеловал ее.

– О, – выдохнула она, и он почувствовал, как на виске ее забила жилка.

– Этого вы хотите? – спросил он, вытерев капельку своей крови с ее нижней губы.

Она взглянула на него, и он увидел свое отражение в ее

глазах. Увидел, как они соединяются – на кратчайший миг в мировой истории, увидел свое будущее – не с ней, но где-то рядом, увидел, как нечто, возникшее здесь, на пляже Калос, на его пляже, остается в ней навсегда.

– Да, – сказала она. – Вот что я выбираю.

III Поражение

Футбольный мяч, который Али хотел спасти, вынесло из бухты в открытое море. Теперь он подпрыгивал на волнах так далеко, что до него было не добраться. В общем-то, мяч ему и не был особо нужен, он поплыл за ним только желая доказать, что может его вытащить, но его бывшая компания не обратила на него внимания. Мальчишки остались далеко позади, резвились на мелководье, толкали друг друга и перебрасывались надувным мячом, который взяли у туристов. Вслед ему смотрел только тощий Деймон.

Он заплыл слишком далеко. Перевернулся на спину, чтобы восстановить дыхание. Медлить нельзя, нужно как можно скорее возвращаться на берег. Али вспомнил тот день, когда поплыл к обрамлявшим бухту скалам, чтобы забраться в пещеру, все лето манившую к себе их банду. У него одного хватило смелости заплыть так далеко. В ушах до сих пор звенели дядины слова. Тому еще лучше дедушки удалось заставить его сторгать со стыда. После той памятной поездки на машине в Никосию дядя заклеил его слабаком и лентяем.

– Он никогда не станет бойцом, – заявил он. – На него нельзя положиться.

Али хотел доказать ему обратное. Но когда добрался до скалы, которая с пляжа казалось такой таинственной и манящей, стало ясно, что пещера – всего лишь узкая расщелина, забраться в которую невозможно. Он разодрал в кровь ладони, пытаясь ухватиться за острые камни и забраться на уступ, но в итоге сдался, развернулся и поплыл обратно, так и не отдохнув и не восстановив дыхание. Добравшись до оставшихся на берегу друзей, он призвал на помощь всю выдержку, чтобы не расплакаться. Али отлично помнил, как разревелся Деймон, свалившись с дерева, и как другие мальчишки стали винить его в том, что он ему не помог. С тех пор ничего уже не было как прежде.

Над головой выл самолет, летевший на британскую военную базу. Солдаты. Али хотел помахать им – я тут, спасите. Но знал, что сколько бы ни кричал, его не услышат. Ни с самолета, ни с пляжа.

Он тонул. Мальчик выпрямился и попытался заработать ногами, но те отказались подчиняться. Он вспомнил, как тяжело было возвращаться к пляжу от пещеры. Тот момент, когда вдруг осознал, что может и не доплыть. Можно добраться до самого волнореза и все равно утонуть, потому что не останется сил. Именно это случилось с тем туристом, что уснул в лодке. Он потерял весла, прыгнул в воду, но не смог доплыть до берега. Местные его видели, того англичанина. Те-

ло потом выбросило на пляж. Ужасный случай.

Али слышал воду, слышал ее рев, чувствовал, как она вздымается и опадает, когда набирал в легкие воздух только для того, чтобы погрузиться еще глубже. Теперь, задыхаясь и всхлипывая, он временами выкрикивал:

– Yardim! Yardim et!¹⁵

Время замедлило ход. Он уже не видел друзей, не видел других мальчишек, не мог понять, спешит ли кто-то ему на помощь. Ждала ли его сестра? Почувствовала ли она, что пришла беда? Как бы он хотел еще хоть раз полежать у ее ног в дюнах, попросить воды или полотенце, или еще что-нибудь из той сумки, которую она всегда брала с собой, что-нибудь, за что он мог бы быть благодарен.

Глаза омыло соленым, тело пропиталось водой, как старая губка в бане, куда его водили в детстве, стало таким же большим и тяжелым, как тела беременных женщин, что мыли рядом с ними своих детей. Он подумал о матери, которой пришлось вынашивать сразу двоих. Должно быть, она в те времена была громадная и жутко неуклюжая. Может, тогда ее и начали мучить головные боли? Он все время гадал, виноват ли в том, как она устает, мечтал, что однажды сумеет помочь ей, починить ее, как Костас чинит испорченную проводку. Теперь ясно было, что это «однажды» никогда не настанет.

Что скажет дядя? Назовет ли его смельчаком? Он уплыл в открытое море и не вернулся назад. Не справился с задачей,

---

¹⁵ Yardim! Yardim et! – На помощь! Помогите (*тур.*).

и никто не пришел ему на помощь. Права была учительница, которая обвязывала его ноги шарфом; он иной. Он больше не Ал, не часть банды. Он в стороне, смотрит на друзей издали. Али в последний раз рванулся вверх, но смог выпростать из воды одну только руку. Он в стороне, он всегда будет в стороне. Он стал частью воды. Будет теперь лежать на дне морском днями и ночами. Там, наверное, холодно? Нет, когда мертв, холода не чувствуешь. Это тонуть холодно, наполняться и падать, медленно, безмолвно опускаться на дно. Холодно только, пока ты не умер. Пока не умер. Пока не...

3

Шезлонг

Быть летучей мышью

Томас Нагель утверждал: если допустить, что у летучих мышей имеется сознательный опыт, значит, существует и некое состояние – быть летучей мышью. Но представить его себе мы не можем, так как наш собственный опыт бесконечно далек от опыта летучих мышей. То же самое можно сказать и обо всех остальных обладающих сознанием живых существах, включая других людей. Мы можем знать все о физических аспектах жизни другого человека, но можем ли мы понять, каково это – иметь его опыт?

Но я хочу знать, как чувствует себя изнутри *сама* летучая мышь.

Томас Нагель. Философское обозрение

Элизабет Прайс обернулась к мужу ровно в тот момент, когда тот закрыл глаза.

– Ты что, спать собираешься?

Николас вздрогнул и ухватился за подлокотник плетеного кресла, в котором любил дремать, когда над Атлантикой начинали сгущаться сумерки. Но до этого часа было еще далеко.

– Что?

– Ты засыпаешь. Еще и шести вечера нет, нас Оливеры ждут в гости к семи. В самом деле, Ники, – Элизабет поднялась на ноги и забрала у него стакан, – мы же пока не умерли.

Она поставила стаканы в раковину и пошла в спальню собираться, на ходу включив в гостиной телевизор и прибавив громкость – вот-вот должна была начаться очередная серия мыльной оперы. Она, в общем, не имела ничего против, чтобы Николас немного подремал; он вечно был такой расслабленный, что отключиться мог в любую минуту. Просто недавно она подсчитала, какую часть суток проводит, бодрствуя в одиночестве, и пришла в ужас.

Подсев к туалетному столику, Элизабет кончиками пальцев нанесла на щеки кремовые румяна и, подняв глаза к зеркалу, принялась растирать их. С тех пор как они переехали из Англии сюда, ей особенно не с кем было поболтать. Конечно, она и здесь находила себе занятия – тренировки, дом, Ники, за которым нужен был глаз да глаз. Да и многие ли женщины на пороге шестидесяти могут похвастаться тем, что они по-прежнему достаточно привлекательны и стройны, чтобы брать уроки капоэйры? И все же дни ее по большей части проходили либо в одиночестве, либо в обществе мужа. И временами – особенно по вечерам – трудно становилось противиться ощущению, что она постепенно выцветает, вымывается, как пятно с простыни, что бледнеет с каждой стиркой, пока не исчезнет окончательно, не оставив после себя даже воспоминаний.

«Я существую, – мысленно произнесла Элизабет, проводя тушью по редющим ресницам и все больше распаяясь. – Я вовсе не какая-то безвкусная героиня Аниты Брукнер, увядающая в Мейда-Вейл в окружении мебели красного дерева. Я по-прежнему горячая штучка».

– Неужели я настолько скучная? – Элизабет уставилась на отразившегося в зеркале мужа, который забрел в спальню в тщетной попытке найти в изножье кровати свои носки. – Настолько скучная, что ты и пяти минут со мной проговорить не можешь, не начав клевать носом?

А ведь так и есть, внезапно поняла она и развернулась на табурете, чтобы обращаться к мужу напрямую. Ее присутствие стало для него сигналом, означающим, что можно расслабиться и задремать. За работой-то он не засыпал – ну еще бы, ведь он создавал произведения искусства. Огромные прекрасные полотна, наполненные теплом и цветом. Не случилось ведь ему отрубаться, рухнув лицом в свои масляные краски, заморгав, сообразила она. А за обедом случилось, и не раз.

Николас Прайс замер на минуту, ожидая, пока жена закончит свою мысль.

– Я страшно виноват, дорогая. Ты, кстати, не видела мои носки? Уверен, что положил их на кровать.

Говорил он подчеркнуто спокойным и рассудительным тоном.

– Думаю, они отправились на поиски твоего кардигана –

чтобы вместе поболтать о старых добрых временах. На улице восемьдесят один градус¹⁶.

– Правда? – Николас поцеловал жену в макушку и направился к ванной. – Не сомневаюсь, любовь моя, если бы я следил за собой так же хорошо, как ты, я бы так не мерз.

Он прошел в ванную и закрыл за собой дверь. Элизабет вынула из шкафа платье и натянула его через голову. Николас всегда предпочитал негативное внимание. Мать чересчур властная, отца вовсе нет, думала она, разглаживая на бедрах шелковую ткань. Ее собственная мать была психоаналитиком. Фрейдисткой. В те времена от женщины требовалась немалая смелость, чтобы посвятить жизнь психоанализу. К материнским друзьям Элизабет с детства привыкла относиться с некоторым пренебрежением – все сплошь эгоисты, нарциссы и одержимы эдиповым комплексом. Казалось, классифицировать человеческие психотипы не сложнее, чем разные виды ткани. Один нарочито грубый, другой нежный – словно отрезки твида на витрине.

Интересно, это Николас насчет ее фигуры высказался? Элизабет вывернулась, пытаясь рассмотреть себя сзади. Конечно, за последний год она слегка располнела – это и по одежде чувствовалось, и по тому, как тяжело стало ворочаться в постели. Гормональная перестройка. Ее предупреждали, что она скажется на обмене веществ. Дамы-эмигрантки, собираясь за чаем в единственном пляжном отеле на ближай-

---

¹⁶ По Фаренгейту; примерно 28 °С.

шие сорок миль, часто об этом говорили. «В Форталезе есть чудный доктор, он вам поможет, когда придет время. Только натуральные препараты, *bien sûr*¹⁷. «Кокаин тоже натуральный, Беатрис», – вставила Элизабет. А та улыбнулась и экстравагантно потянула носом: «И разве это не чудесно?»»

Элизабет, решительно отказывавшаяся принимать аспирин даже при головной боли, фамилию доктора все же запомнила. А теперь, когда минуло уже больше полугода с ее последних месячных, радовалась, что все прошло для нее относительно безболезненно. Она что-то не помнила, чтобы мать сетовала по поводу менопаузы, а у той до самого конца оставалась превосходная фигура. Она и умерла с изящными лодыжками.

В гостиной страстно гомонили бразильские актеры, с одинаковым пылом набрасывавшиеся и на своих возлюбленных, и на картонные декорации. В Каноа-Кебраду Прайсы переехали по множеству причин, но единственной, до сих пор не утратившей актуальности – по крайней мере для Элизабет, – оставалась ее любовь к португальскому языку. Мать все детство рассказывала ей байки о далеких предках, сколотивших состояние на каких-то портовых делах. А стоило на телеэкране появиться рекламе портвейна, как она тут же объявляла: «Смотри, это твой прапрадедушка. Ты принадлежишь к древнему пиратскому роду». Связи между креплеными винами и морскими грабежами Элизабет как-то не улавливала,

---

¹⁷ *Bien sûr* – конечно, понятно (фр.).

и поскольку из материальных свидетельств существования того человека был лишь мелькавший в вечернем телеэфире расплывчатый силуэт, Элизабет он запомнился как некий воображаемый дедушка из детства. Однако чем старше она становилась, тем заметнее делалось ее средиземноморское происхождение: взрывной нрав и мгновенно прилипающий загар, крупный нос и кудри, которые позже унаследовала ее дочь в каком-то совсем уж буйном варианте.

Вспомнив о Рейчел, Элизабет нахмурилась.

– Есть хочу, – выходя из ванной, объявил Николас. – Во сколько выезжаем? – И замер, заметив на лице жены выражение, означавшее, как он усвоил за прошедшие годы, что она думает о дочери, и грозившее выгравировать у нее на лбу карту выпавших на ее долю невыносимых страданий. – В Англии сейчас как раз время пить чай. Думаю, можно и позвонить ей, если тебе хочется.

– Николас, не глупи. Я ведь уже оделась.

Муж пожал плечами и, прежде чем выйти из комнаты, в последний раз покосился на кровать. Тридцать пять лет брака внушили ему, что носки – равно как и секс, и хорошее настроение – должны быть доступны без предварительных просьб с его стороны. Нужно только сохранять спокойствие – и все устроится.

Дверь за ним захлопнулась, и бразильские мыльные страсти притихли. Элизабет вывалила содержимое дневной сумки в вечерний клатч и постаралась сосредоточиться на гря-

душем вечере. О Рейчел думать не хотелось. Если происходящее во внутреннем мире мужа доходило до нее только в виде разнообразных шумов – этакой душевной азбуки Морзе, то дочь о том, что происходит у нее в голове, вообще никак не семафорила. К телефонным разговорам с ней – тем более теперь, когда они были так далеко друг от друга – Элизабет предпочитала готовиться заранее, чтобы не разрыдаться в процессе.

Она сунула мобильник поглубже в сумку и обернулась к зеркалу, чтобы уложить волосы. Мелирование, сделанное, чтобы замаскировать седые пряди, придало волосам ухоженный вид, но нисколько ее не омолодило. К тому же локоны, так круто завившиеся от влажности, когда они только приехали в Бразилию, теперь сникли от краски и вместо того, чтобы задорно подпрыгивать при ходьбе, безвольно липли к трикотажным блузкам, которые Элизабет носила днем. Собственное отражение, подсвеченное лишь тусклой настольной лампой, глянуло на нее из зеркала, словно из-под толщи воды. Элизабет пристально уставилась на него. «Ты все еще там», – без особой уверенности сказала она себе. Из сумеречной глубины на нее смотрело лицо дочери. Элизабет прижалась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза.

Такая тихая спокойная малышка. Даже не поймешь, дышит ли. Подкрадешься, бывало, к колыбельке и потянешь легонько за подол крошечного платица. Изящное личико, обрамленное влажными от пота спутанными кудряшками. Бе-

решь ее на руки и прижимаешь к себе крепко-крепко. Ты так ей нужна. У нее целая жизнь впереди. Все только начинается.

Дочь росла послушной, даже в подростковом возрасте особенно не доставляла хлопот. Ну так, немного боди-арта, легкие наркотики – все настолько невинно, что даже удивительно. Юность самой Элизабет пришлась на эпоху Ронни Лэйнга, известного шотландского психиатра. «Мне просто кажется, что если хочешь удолбаться и разукрасить себя, есть способы поинтереснее, чем марихуана и татуировка-бабочка». Такой вот она была матерью – веселой и невозмутимой. И, уж конечно, толика юношеского бунтарства ее не пугала. Лишь после того, как Рейчел съехала из родительского дома и стала проявлять признаки независимой личности, Элизабет вдруг осознала, что совсем не понимает дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.